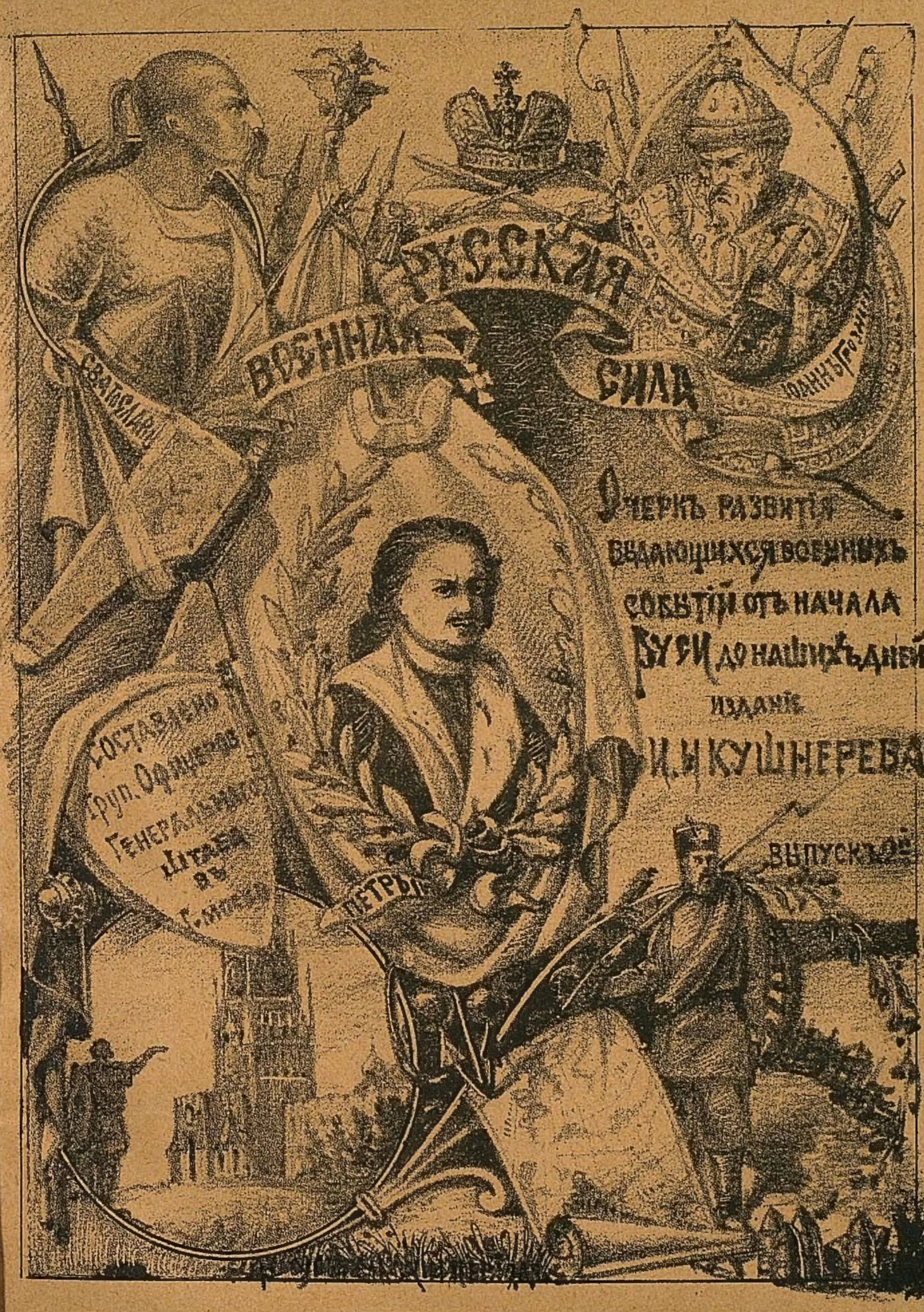


Очеркъ развитія
важнѣйшихъ военныхъ
событій отъ начала
Руси до нашихъ дней

Изданіе

И. И. КУШНЕРЕВА.

Выпускъ 2-й

РУССКАЯ

ВОЕННАЯ СИЛА

Очеркъ развитія выдающихся военныхъ событій
отъ начала Руси до нашихъ дней.

Составлено группою офицеровъ Генеральнаго Штаба въ Москвѣ.

СЪ РИСУНКАМИ, КАРТАМИ И ПЛАНАМИ.

ИЗДАНІЕ

И. Н. Кушнерева.

ВЫПУСКЪ II.

ПЕРІОДЪ МОНГОЛЬСКАГО ИГА

И НАЧАЛА МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

МОСКВА.
Типо-литографія Высоч. утв. Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К⁰** въ Москвѣ,
Пименовская улица, собств. домъ.
1888.

Дозволено цензурою. Іюля 17 дня 1888 г. Москва.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Глава I.

Состояніе Руси передъ ея покореніемъ монголами.—Первое нашествіе монголовъ.—Монголы. 3

Глава II.

Нашествіе Батыя и покореніе Руси монголами . . . 24

Глава III.

Княженіе Дмитрія Донскаго.—Нашествіе Мамая.—Куликова битва. 45

Глава IV.

Собиратели Руси: Василій I, Василій II Темный, Іоаннъ III, Василій III 65

Глава V.

Военное дѣло на Руси отъ перваго нашествія монголовъ до перваго царя Русскаго (1224—1533 гг.):

1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ 85
2. Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія 94
3. Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою. 106
4. Города, крѣпости, атака и оборона ихъ 120

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стран.

Глава I.

Сословия Рейха по немецкому монументальному искусству — Монолиты 3

Глава II.

Надгробные памятники и надписи Рейха по немецкому монументальному искусству 8

Конрад III Франконский 9

Глава III.

Фридрих I Барбаросса 24

Глава IV.

Генрих VI 44

Глава V.

Генрих III Франконский и Конрад III 59

Глава VI.

Фридрих II Гогенштауфен 100

Глава VII.

Рудольф I Габсбург и Адольф Нассауский 121

ГЛАВА I.

Состояніе Руси передъ ея покореніемъ монголами.—Первое нашествіе монголовъ.—Монголы.

Въ первомъ выпускѣ настоящаго очерка было уже обрисовано въ краткихъ чертахъ то состояніе, въ которомъ находилась Русь ко времени первой четверти XIII столѣтія. Положеніе ея было во всѣхъ отношеніяхъ плачевнымъ: внутри—раздоры и междуусобія удѣльныхъ князей, раздробившихъ великую при Ярославѣ I-мъ Русь на множество мельчайшихъ самостоятельныхъ княжествъ; извнѣ—все болѣе и болѣе серьезная опасность со стороны сильныхъ и воинственныхъ сосѣдей, какъ-то: шведовъ и ливон-

цевъ — на сѣверо-западѣ, литовцевъ, поляковъ и венгровъ — на западѣ и все тѣхъ же половцевъ—на югѣ и югѣ-востокѣ.

Внутренніе раздоры привели, какъ извѣстно, къ тому, что Кіевъ потерялъ свое первенствующее значеніе стольнаго великокняжескаго города. Центръ политической жизни Руси переносится на ея сѣверо-востокъ, гдѣ возникаетъ и быстро затѣмъ возрастаетъ могущество Суздальскихъ князей, при Юріи Долгорукомъ добившихся и Кіевскаго великаго княженія. При сынѣ Юрія—Андреѣ Боголюбскомъ—Кіевъ становится уже въ подчиненное Суздалю положеніе, а при Всеволодѣ Большомъ-Гнѣздѣ—вліянію Суздаля, какъ старшему столу, подчиняются и Новгородъ, получавшій князей отъ Владимірскаго же великаго князя, и Рязанское княжество. Владѣнія Суздаля распространяются и на востокъ, гдѣ въ Мордовской землѣ построенъ былъ Юріемъ II, въ 1221 году, Нижній-Новгородъ, и борьба съ мордовскимъ княземъ Пургасомъ велась вполнѣ успѣшно.

Въ Ростово- же Суздальской землѣ, составившей ядро образовавшейся впослѣдствіи Великой Руси, находился, почти на южной ея границѣ, городъ Москва, основаніе котораго приписывается Юрію Долгорукому и о коемъ впервые упоминается подъ 1147 годомъ.

Занявшее первенствующее мѣсто, Владимірское или Суздальское великое княженіе не избѣжало также внутреннихъ раздоровъ, достигшихъ при Юріи II полнаго разгара и приведшихъ къ выдѣленію Рязанскаго княжества и образованію множества другихъ болѣе мелкихъ княженій.

При всей своей раздробленности, Русь составляла, тѣмъ не менѣе, одно неразрывное цѣлое, говорившее однимъ русскимъ языкомъ, исповѣдывавшее одну православную вѣру и жившее въ одинаковыхъ семейныхъ и общественныхъ условіяхъ. Этой неразрывности Руси содѣйствовало и то, что ея дробныя части имѣли князей принадлежавшихъ къ одному роду, не утерявшихъ и при своихъ распряхъ сознанія кровной связи. Сознаніе это неоднократно выражалось въ княжескихъ съѣздахъ, для обсужденія важнѣйшихъ, касавшихся всей Руси, вопросовъ.

Эта внутренняя, такъ сказать, связь Русскихъ земель и дала возможность Руси въ теченіе почти двухсотъ лѣтъ со смерти Ярослава I-го сохранить свою самостоятельность и успѣшно отражать нападенія сосѣднихъ народовъ. Но она оказалась далеко не достаточною для того, чтобы выдержать натискъ появившагося въ первой четверти XIV столѣтія новаго, сильнаго и могущественнаго врага—монголовъ.

Впервые объ этомъ новомъ врагѣ услышали на Руси въ 1222 году, когда къ князю галицкому Мстиславу Мстиславовичу Удалому прибѣжалъ его тесть—половецкій ханъ Котянъ, уцѣлѣвшій отъ разгрома, нанесеннаго половцамъ монголами.

Родиною монголовъ была степь Гоби, Забайкалье и верховья Амура и его притоковъ. Племя это дѣлилось на *юрты*, *улусы* или *орды*, управлявшіеся своими выборными *ханами*, власть которыхъ была однако ограничена собраніемъ знатныхъ (*нойоновъ*, *бековъ*), называвшимся *курилтаемъ* и производившимъ также избраніе хановъ.

Въ началѣ XIII столѣтія среди монголовъ началось усиленное движеніе, вызванное стремленіемъ одного изъ хановъ, *Темуджина*, сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ всѣми монгольскими племенами. Родившійся въ 1160 году и оставшійся младенцемъ по смерти отца своего Есукай-багадура, Темуджинъ только въ 1203 году, т.-е. уже 43-хъ лѣтъ, добивается своей цѣли. Собранный имъ въ этомъ году, на берегахъ рѣки Керлона, большой курилтай провозгласилъ его верховнымъ ханомъ девяти монгольскихъ племенъ, причемъ онъ принялъ имя Чингизъ-хана.

Вслѣдъ за этимъ власть Чингизъ-хана и его вла-

дѣнія стали распространяться съ невѣроятною быстротою. Въ какія-нибудь 18-ть лѣтъ онъ овладѣлъ всею Среднею Азіей и на западъ его завоеванія простирались до халифата Багдадскаго и береговъ Каспійскаго и Аральскаго морей.

Не останавливаясь на длинномъ рядѣ войнъ, приведшихъ Чингизъ-хана на ту степень могущества, котораго онъ достигъ уже ко времени перваго нашествія монголовъ на Русь, укажемъ только, что это нашествіе было такъ-сказать совсѣмъ не преднамѣренное и, повидимому, не входило въ планы Чингизъ-хана, заканчивавшаго въ это время завоеваніе Ховарезмской имперіи (нынѣшніе Туркестанъ, Хива, Бухара, Афганистанъ и Восточная Персія).

Всюду разбиваемый монголами, султанъ Ховарезма, Магометъ, съ остатками своего войска и двора, вынужденъ былъ въ концѣ концовъ бѣжать въ Мазандеранскую область, на берега Каспійскаго моря. Для преслѣдованія Магомета, Чингизъ-ханъ, занятый осадою Самарканда, послалъ 30.000 человѣкъ конницы подъ начальствомъ темниковъ Джебе-нойона и Субудай-багадура. Неотступно преслѣдуемый монголами, Магометъ укрылся на одномъ изъ острововъ Каспійскаго моря, гдѣ и умеръ 10-го февраля 1221 года. Послѣ смерти Магомета, Джебе

и Субудай, проникшіе уже въ Адербейджанъ, получили отъ Чингизъ-хана подкрѣпленія и разрѣшеніе двинуться на сѣверъ противъ половцевъ (кипчаки, куманы). Переправившись въ сентябрѣ 1222 года черезъ Аракъ, монголы двинулись въ Грузію, разбили при помощи засады 30.000-ную грузинскую армію, разграбили Шемаху, взяли Дербентъ и направились далѣе черезъ Кавказскія горы. Взятые для указанія путей проводники разбѣжались, вслѣдствіе чего монголы, оставленные въ горныхъ ущеліяхъ и окруженные здѣсь аланами, черкесами (ясы и касоги) и союзными съ ними половцами, оказались въ критическомъ положеніи. Джебе и Субудай прибѣгли тогда къ хитрости: богатыми дарами они успѣли склонить половцевъ бросить своихъ союзниковъ, послѣ чего разбили послѣднихъ, вышли изъ горъ и, несмотря на заключенный договоръ, стали грабить и разорять земли Половецкія. Разбитые въ цѣломъ рядѣ сраженій, потерявъ своихъ старѣйшихъ хановъ, половцы бѣжали къ Днѣпру и искали убѣжища на Руси.

На зиму монголы (или татары, какъ ихъ называли на Руси) расположились въ богатыхъ пастбищами Половецкихъ степяхъ, предпринявъ однако еще набѣгъ въ Крымъ, гдѣ разграбили богатый торговый городъ Судакъ.

Между тѣмъ половецкіе ханы Котянъ, Бастый, принявшій при этомъ православіе, и другіе умоляли русскихъ князей, въ особенности женатаго на дочери Котяна Мстислава Галицкаго, вооружиться противъ татаръ. По предложенію Мстислава Мстиславовича, южно-русскіе князья собрались на съѣздъ въ Кіевѣ и здѣсь, уговаривaемые половцами, не щадившими при этомъ даровъ въ видѣ коней, верблюдовъ, вообще скота, а также и невольницъ,— рѣшили предпринять общій походъ, и притомъ вести самимъ наступательныя дѣйствія, чтобы встрѣтить татаръ въ чужихъ предѣлахъ.

Къ веснѣ 1223 года князья закончили, каждый въ своей области, свои приготовленія къ походу и двинули войска на сборный пунктъ—у Днѣпровскихъ пороговъ. Въ походѣ приняли участіе слѣдующіе князья: Мстистлавъ Мстиславовичъ Удалой—князь Галицкій, Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославовичъ Козельскій, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, Мстиславъ Ярославовичъ Нѣмой—князь Пересопницкій, Даніилъ Романовичъ Волынскій, Олегъ Курскій, Михаилъ Всеволодовичъ Черниговскій и многіе другіе. Владиміро-Суздальскій великій князь Юрій II-й не принялъ личнаго участія въ походѣ, но выслалъ суздальскія войска подъ начальствомъ своего племянника, Василія Констан-

тиновича—князя Ростовскаго. Войскамъ этимъ не привелось однако принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ, такъ какъ они прибыли слишкомъ поздно. Не приняли участія въ походѣ также и князья Рязанскіе, хотя ихъ и звали.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стали собираться на правомъ берегу Днѣпра, у городка Заруба и Варяжскаго острова, войска князей Кіевскихъ, Смоленскихъ, Черниговскихъ и Тверскихъ. Конница шла сухимъ путемъ, а пѣхота—въ лодьяхъ. Здѣсь же, у Заруба, князья встрѣтили татарскихъ пословъ, присланныхъ съ цѣлью отклонить русскихъ отъ союза съ половцами. Князья не только не поддались увѣщаніямъ татаръ, но даже приказали убить всѣхъ пословъ и продолжали движеніе внизъ по правому берегу Днѣпра, на соединеніе съ галицкою пѣхотой. Послѣдняя, подъ начальствомъ Юрія Домамировича и Держикрая Володиславича, двигалась на тысячѣ лодьяхъ внизъ по Днѣпру въ Черное море, а оттуда по Днѣпру должна была подняться до пороговъ. Здѣсь, на Протолочьемъ броду, у устья рѣки Хортицы, произошло соединеніе всѣхъ русскихъ войскъ и сюда же прибыли и половецкія силы. Количество собравшихся войскъ надо полагать никакъ не менѣе *ста тысячъ*, такъ какъ, принимая во вниманіе вмѣстимость обыкновенной русской лодьи отъ 40 до

60 человѣкъ, одного галицкаго и волынскаго ополченія должно было быть до 40 тысячъ.

У Хортицы вторично явились къ русскимъ князьямъ татарскіе послы, но снова не имѣли никакого успѣха въ переговорахъ. Между тѣмъ приближались передовыя татарскія войска, вслѣдствіе чего со стороны русскихъ была предпринята развѣдка противника подъ начальствомъ Даніила Романовича Волынскаго и воеводы Юрія Домамировича, который убѣдилъ князей предпринять наступленіе. Черезъ Днѣпръ навели мостъ изъ лодей, по которому первымъ переправился Мстиславъ Удалой и съ 1.000 человѣкъ конницы немедленно атаковалъ непріятельскій сторожевой полкъ, опрокинулъ его и далеко преслѣдовалъ, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ начальникъ татаръ Гемя-бекъ.

Ободренные этимъ первымъ успѣхомъ, князья, закончивъ переправу, смѣло двинулись въ Половецкія степи по Залозному пути—къ Азовскому морю. Татары отступали, завлекая русскихъ въ глубь степей, и черезъ 9 дней дошли до рѣки Калки (притока впадающаго въ Азовское море р. Калміуса).

За Калкою татары остановились и рѣшились принять сраженіе, руководясь при этомъ, повидимому, тѣмъ, что для Джебе и Субудая было извѣстно о произшедшихъ къ этому времени разногласіяхъ

среди русскихъ князей. Дѣйствительно, общаго начальника надъ всѣми русскими силами не было, и уже на пути къ Калкѣ возникли несогласія между князьями, самостоятельно распоряжавшимися своими войсками.

На берегахъ Калки эти несогласія вполнѣ обнаружились, такъ какъ Мстиславъ Романовичъ Кіевскій не захотѣлъ переправиться черезъ рѣку, а остановился въ укрѣпленномъ станѣ на ея правомъ берегу, между тѣмъ какъ Мстиславъ Удалой не только переправился черезъ Калку, но боясь, чтобы кто-либо не отнялъ у него славы побѣды, предпринялъ нападеніе на татаръ, не предупредивъ даже объ этомъ Мстислава Кіевскаго и Мстислава Черниговскаго *).

31 мая 1223 года, выславъ впередъ Яруна съ половцами и Даніила Романовича съ волынцами, Мстиславъ Удалой со своими галицкими полками двинулся противъ татаръ. Отстрѣливаясь стрѣлами и слѣдуя своей обычной тактикѣ, татары отступали, а русскіе, вдаваясь въ обманъ, очевидно растянулись, увлекаясь преслѣдованіемъ, и нарушили свой боевой порядокъ. Тогда, по словамъ Рашидъ-Эддина, „татарская рать внезапно обернулась и ударила на

*) О раздѣленіи русскихъ силъ татары знали очень хорошо, что свидѣтельствуется исторіей Рашидъ-Эддина.

нихъ *и до соединенія ихъ избила у нихъ людей*“ *). Ударъ обрушился на половцевъ, вѣроятно опередившихъ другія войска; опрокинутые половцы смяли сзади двигавшіеся волынскіе и галицкіе полки. Несмотря на мужественную и упорную оборону, войска Мстислава Удалаго, потерпѣвъ полное пораженіе, были обращены въ бѣгство, а вслѣдъ затѣмъ опрокинуты были и другіе, находившіеся на лѣвомъ берегу Калки, русскіе отряды, даже не знавшіе о завязанномъ Удалымъ сраженіи, а потому не успѣвшіе даже построиться въ боевой порядокъ.

Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, видя избіеніе татарами русскаго войска, не двинулся ему на помощь изъ своего стана, окруженнаго телѣгами и тыномъ. Вслѣдствіе этого татары, направивъ часть силъ для преслѣдованія бѣгущихъ галичанъ, волынцевъ и другихъ, съ остальными силами осадили Мстислава, три дня успѣшно однако отбивавшаго бѣшеныя атаки татаръ **). Наконецъ татары, видя безуспѣшность своихъ атакъ, предложили великому князю черезъ Плоскиню, воеводу бродниковъ, дать за себя выкупъ, обѣщая пропустить его затѣмъ. Но

---

*) См. Березина „Первое нашествіе монголовъ на Россію“.

**) По словамъ Рашидъ-Эддина, все Калкское побоище длилось недѣлю: „*Недѣлю ратовали*, наконецъ кипчаки и русскіе обратились въ бѣгство“.

когда Мстиславъ, повѣрившій присягѣ Плоскини, вывелъ кіевлянъ изъ стана, то былъ немедленно измѣннически атакованъ, весь полкъ его былъ истребленъ, великій князь и другіе младшіе князья были задушены.

Преслѣдованіе бѣгущихъ русскихъ татары довели только до Днѣпра, послѣ чего неожиданно повернули назадъ и черезъ Болгарію и Уральскія степи, обогнувъ Каспійское море, вернулись къ Чингизъ-хану. Страшное Калкское пораженіе дорого обошлось Руси: погибло при этомъ шесть князей и девять десятыхъ войска; одни кіевляне потеряли до десяти тысячъ.

Главный виновникъ всего несчастія, Мстиславъ Удалой успѣлъ вмѣстѣ съ Мстиславомъ Нѣмымъ и Даніиломъ Романовичемъ уйти за Днѣпръ. Спаслись также Михаилъ Всеволодовичъ и Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, причемъ послѣдній, во главѣ отряда въ тысячу человѣкъ, отступилъ за Днѣпръ, успѣшно отбиваясь отъ насѣдавшихъ татаръ.

Никакихъ дальнѣйшихъ, непосредственныхъ послѣдствій это первое нашествіе монголовъ въ Россіи не имѣло. Татары скрылись и на Руси остались даже въ полномъ невѣдѣніи, что это былъ за народъ и откуда онъ пришелъ, и надѣялись, что гроза миновала; но не далѣе какъ черезъ 14 лѣтъ Руси

пришлось вновь испытать всѣ ужасы монгольскаго нашествія.

Подъ предводительствомъ Чингизъ-хана, руководясь установленными послѣднимъ гражданскими и военными законами, монголы стали не только повелителями Азіи, но и грозой Европы. Военное устройство и военное искусство монголовъ этого времени заслуживаютъ поэтому особеннаго вниманія и имѣютъ громадное значеніе въ особенности для Россіи, 200 лѣтъ находившейся подъ тяжелымъ татарскимъ ярмомъ.

Всѣ гражданскія и военныя узаконенія и правила Чингизъ-хана были собраны въ особомъ сводѣ, носившемъ названіе *Яса*, причемъ законы, и въ особенности военные, отличались чрезвычайною строгостью.

Устройство Чингизъ-ханова войска совершенно соотвѣтствовало имъ же введенному устройству народа, основанному на десяточномъ дѣленіи кибитокъ монгольскихъ племенъ. Войска набирались, смотря по надобности, въ размѣрѣ одного, двухъ и т. д. человѣкъ съ десятка населенія. По отношенію къ приведенному порядку набора войскъ интересныя свѣдѣнія даетъ историкъ Ибнфадлаллахъ Эломари *),

*) *Эломари*—секретарь египетскаго султана Эльмеликъ-Энна-сыра.

который говоритъ: „когда противъ хана Кипчакскаго и противъ великаго хана возсталъ Исенбога, султанъ Мавераннехра, то ханъ написалъ Токтѣ, чтобы онъ сразился съ нимъ. Онъ (Токта) отрядилъ противъ него изъ каждаго десятка (людей) по одному человѣку и число отряженныхъ дошло до 250.000. Это тѣ, которые вошли въ счетъ и въ смѣту сверхъ мелкихъ отрядовъ добровольцевъ". Приведенное свѣдѣніе интересно для насъ также и потому, что на основаніи его можно придти къ заключенію, что въ это время, т.-е. въ концѣ XIII столѣтія, числительность мужскаго населенія Кипчака (Золотой орды) простиралось до $2^1/_2$ милліоновъ.

Войсковыми частями были, слѣдовательно, десятки, сотни, тысячи, съ соотвѣтствующими начальниками. Высшую войсковую единицу составляли десять тысячъ, называвшіяся *туманами*, которыми командовали *темники*.

Въ войскахъ была введена чрезвычайно строгая дисциплина, причемъ по отношенію къ важнѣйшимъ воинскимъ проступкамъ или преступленіямъ законы Чингизъ-хана вводили взаимную отвѣтственность цѣлаго десятка: такъ, напримѣръ, ежели изъ десятка кто-либо бѣжитъ, то весь десятокъ немедленно казнятъ; ежели за храбрыми людьми десятка не послѣдуютъ другіе, то послѣднихъ убиваютъ; ежели

нѣкоторые попадутъ въ плѣнъ, а остальные не выручатъ, то послѣднихъ убиваютъ, и т. д. Изъ другихъ наказаній, примѣнявшихся къ военнымъ, можно привести: наказаніе палками по спинѣ и животу; трусовъ наряжали въ женское платье, румянили и, привязавъ къ хвосту осла, водили въ такомъ видѣ на-показъ народу.

Каждый воинъ снабжался продовольствіемъ и остальными, необходимыми въ походѣ, предметами отъ того десятка населенія, которое выставляло воина. Такимъ образомъ довольствіе войскъ лежало на нихъ самихъ, а потому они всегда сопровождались громадными стадами скота, табунами лошадей и огромными обозами. Упомянутый выше Эломари говоритъ, что въ войскахъ Токты, выступившихъ противъ султана Исенбога, „каждый всадникъ взялъ съ собою: двухъ слугъ, тридцать головъ овецъ, пять головъ коней, два мѣдныхъ котла и телѣгу для перевозки оружія“ (?). Кромѣ того брались въ походъ: палатки и по два кожаныхъ мѣшка (турсуки) на каждаго. Въ одномъ изъ этихъ турсуковъ возилась вода, а въ другомъ—такъ-называемая *крута*—сушеный кислый сыръ, составлявшій, вмѣстѣ съ сушенымъ или вяленымъ мясомъ, главную пищу монголовъ.

При Чингизъ-ханѣ и его ближайшихъ преемни-

кахъ содержаніе войскъ ничего не стоило, такъ какъ воины не только не получали жалованья, но даже находящіеся на службѣ не избавлялись отъ податей, которыя вносились ихъ семействами въ размѣрѣ одной головы всякаго скота съ каждой сотни. Приводимыя свѣдѣнія *), повидимому, относятся до временъ только ближайшихъ наслѣдниковъ Чингизъ-хана, такъ какъ все тотъ же Эломари говоритъ: „у эмировъ свои земли, которыя иному приносятъ въ годъ отъ 200.000 динаровъ **) и не менѣе 100.000 динаровъ ходячихъ. Что касается ратниковъ, то ни одному изъ нихъ не платится иначе, какъ серебромъ высшей доброты. Всѣ они равны между собою и получаютъ въ годъ каждый по 200 динаровъ ходячихъ“. Слѣдовательно, уже при Токтѣ, т.-е. гораздо ранѣе Тамерлана, въ монгольскихъ войскахъ имѣлся рядъ степеней эмировъ и войска находились на постоянномъ, опредѣленномъ жалованьи.

Главное оружіе монголовъ составляли лукъ и стрѣлы, причемъ каждый воинъ долженъ былъ имѣть два или даже три лука съ тремя же большими колчанами со стрѣлами. Стрѣлы ихъ были въ два фу-

---

*) Иванинъ: „О военномъ искусствѣ и завоеваніяхъ монголо-татаръ“.

**) Динаръ=6 дирхемамъ.

та длины; желѣзныя острія ихъ, чрезвычайно острыя, имѣли форму копья. Для отточки стрѣлъ каждый воинъ долженъ былъ имѣть пилку. Кромѣ того, въ вооруженіе входили: топоры, пики съ крючьями, для стаскиванія съ коней непріятельскихъ всадниковъ, и наконецъ сабли.

Предохранительное вооруженіе имѣли и люди, и лошади; большею частію оно было кожаное съ желѣзными полосками, у болѣе же богатыхъ оно было все желѣзное.

Населяя страны чрезвычайно богатыя лошадьми, съ малолѣтства выполняя всѣ движенія, сопряженныя съ кочевымъ образомъ жизни, не иначе какъ верхомъ, монголы составляли превосходную естественную конницу. Маленькія, крѣпкія, чрезвычайно выносливыя и малоприхотливыя степныя лошади монголовъ давали имъ возможность дѣлать длинные и быстрые переходы. Конница, раздѣлявшаяся на легкую и тяжелую, была ихъ единственнымъ родомъ войскъ, пѣхоту же составляли иногда войска союзныя, или же плѣнные, почти всегда употреблявшіеся и какъ рабочая сила при осадахъ городовъ. Всадники имѣли обыкновенно по нѣсколько запасныхъ, заводныхъ коней, число которыхъ иногда доходило до 18 штукъ на каждаго.

Замѣчательны также и выработавшіеся при Чин-

гизъ-ханѣ стратегическіе и тактическіе пріемы монголовъ, или вообще ихъ военное искусство.

Ведя исключительно наступательныя войны, монголы, предварительно вторженія своего въ непріятельскую страну, собирали возможно-обстоятельныя свѣдѣнія о своемъ противникѣ, объ его силахъ, средствахъ и свойствахъ страны. Для этой цѣли служили всевозможныя средства, какъ-то: посольства, торговыя сношенія, мелкіе предварительные набѣги, какъ бы рекогносцировки, и т. д.

Вторженія въ непріятельскую страну производились обыкновенно съ нѣсколькихъ сторонъ, отдѣльными массами, направлявшимися къ одному общему, заранѣе назначенному, сборному пункту. Каждая колонна, или вѣрнѣе масса, двигалась принимая обширныя мѣры охраненія и наблюденія. Съ этою цѣлью высылались: на одинъ или два даже переходa впередъ—авангарды, на фланги—боковые отряды и сзади прикрывались арріергардомъ. Совокупность всѣхъ этихъ, указаннымъ образомъ раздѣленныхъ силъ, составляла нѣчто въ родѣ *облавы*, захватывавшей опредѣленную, нерѣдко весьма значительную часть непріятельской страны и постепенно съуживавшей свой кругъ. Рядомъ такихъ облавъ, слѣдовавшихъ одна за другою, монголы овладѣвали страною и предавали ее полнѣй-

шему разоренію, встрѣчая притомъ сравнительно болѣе слабое сопротивленіе, такъ какъ противникъ вынуждался, ожидая нападенія съ нѣсколькихъ сторонъ, разбрасывать свои силы.

Въ сраженіяхъ монголы, при Чингизъ-ханѣ и его ближайшихъ преемникахъ, строили боевые порядки, составлявшіеся изъ нижеслѣдующихъ частей: впереди—сторожевой отрядъ—*караулъ*, за нимъ слѣдовалъ авангардъ—*манглай*, причемъ эти двѣ части боеваго порядка иногда сливались въ одну, затѣмъ уже ставились главныя силы, составляемыя изъ трехъ частей: правое крыло—*барунгаръ* или *барангаръ*, лѣвое крыло—*джунгаръ* или *джуангаръ* и, наконецъ, центръ—*кулъ*.

Бой монголы завязывали издали—стрѣлами, въ метаніи которыхъ были чрезвычайно искусны, и вообще употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы выиграть дѣло помощью какой-либо хитрости. Окружая врага, осыпая его тучами стрѣлъ, они, въ случаѣ стойкаго сопротивленія, отступали, стараясь или раздѣлить силы непріятеля и затѣмъ бить ихъ порознь,—при Калкѣ напримѣръ,—или же наводили противника на засаду.

Высшіе начальники въ сраженіи личнаго участія не принимали, а наблюдали за ходомъ боя и управляли имъ, располагаясь для этого со своею свитой

и даже женами гдѣ-либо сзади, на удобномъ для наблюденія пунктѣ.

Походы свои монголы предпринимали обыкновенно осенью, когда ихъ лошади и всякій другой скотъ находился въ хорошемъ тѣлѣ. Ежегодно же, преимущественно на время лѣтнихъ жаровъ, они прекращали дѣйствія и располагались на отдыхъ для поправленія лошадей и верблюдовъ.

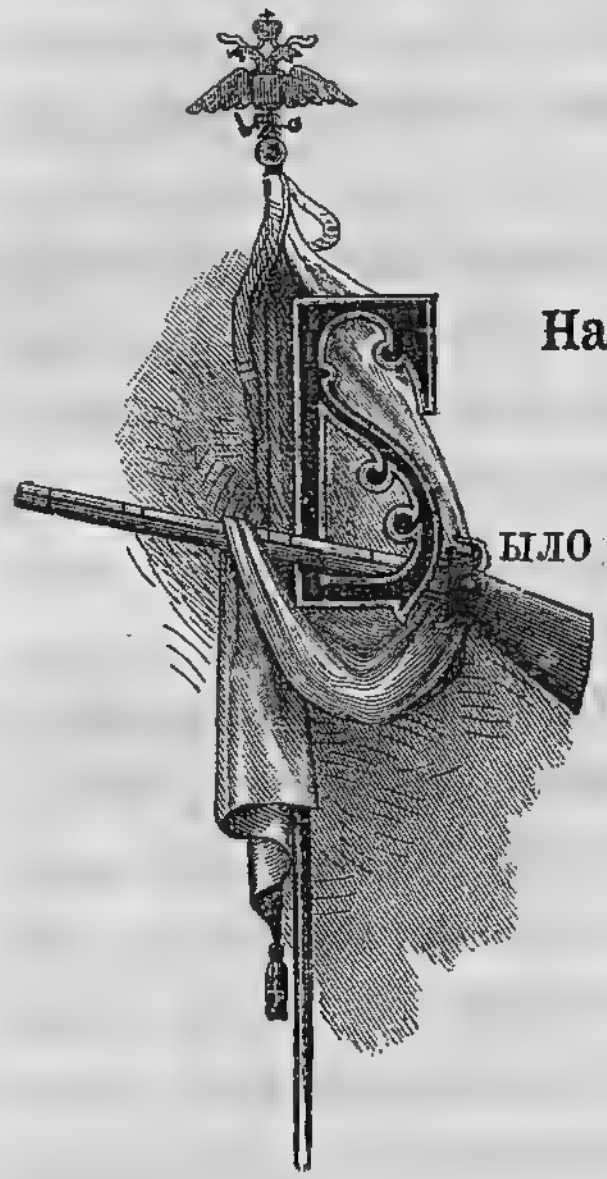
Сопротивляться сплоченнымъ волею Чингизъ-хана и его энергичныхъ преемниковъ кочевымъ ордамъ монголовъ было не подъ силу осѣдлымъ, земледѣльческимъ народамъ, главныя массы которыхъ, привыкшія къ исключительно мирнымъ занятіямъ, могли составлять ополченія, въ военномъ отношеніи стоявшія далеко ниже монгольскихъ полчищъ. Послѣднія дѣйствительно являлись для сосѣдей настоящею грозою. Однимъ изъ персидскихъ историковъ XIII вѣка свойства и качества монголовъ описываются слѣдующимъ образомъ: „Они имѣли мужество львиное, терпѣнье собачье, предусмотрительность журавлиную, хитрость лисицы, дальнозоркость ворона, хищность волчью, боевой жаръ пѣтуха, попечительность курицы о своихъ ближнихъ, чуткость кошки и буйность вепря при нападеніи“.

Въ открытомъ полѣ конница монголовъ имѣла на своей сторонѣ несомнѣнное превосходство надъ

противникомъ; для нея болѣе серьезное препятствіе составляли хорошо укрѣпленные города. Но и въ этомъ отношеніи длинный рядъ войнъ съ Китаемъ и Ховарезмомъ, сопряженный съ необходимостью брать съ бою массу городовъ, научили монголовъ и этому искусству.

Свои дѣйствія при осадѣ городовъ они начинали съ разоренія окрестностей, дабы лишить городъ средствъ пропитанія. Затѣмъ они окружали городъ валомъ со рвами, а ежели былъ лѣсъ, то и тыномъ, и такимъ образомъ отрѣзывали городу всякія сообщенія съ окрестностями.

Собственно осадныя работы, прикрытіе ихъ и даже приступы монголы производили не сами, а употребляли для этого окрестныхъ жителей и военноплѣнныхъ. Стѣнобитныя и камнеметныя машины примѣнялись ими нерѣдко даже въ весьма обширныхъ размѣрахъ. Греческій огонь и другія зажигательныя вещества, наводненія, подкопы, тучи бросаемыхъ стрѣлъ и т. под. — все это служило средствами для облегченія приступовъ, которые производились безпрерывно днемъ и ночью. Осады городовъ велись съ чрезвычайнымъ упорствомъ и случаи снятія осады, не овладѣвъ городомъ, весьма рѣдки.



ГЛАВА II.

Нашествіе Батыя и покореніе Руси монголами.

Было уже сказано выше, что послѣ Калкскаго пораженія преслѣдованіе разбитыхъ русскихъ силъ монголы довели только до Днѣпра, послѣ чего ушли назадъ въ средне-азіятскія степи.

На Руси все пошло попрежнему, то-есть снова начались распри и междуусобія князей. Впрочемъ на сѣверѣ Руси было сравнительно тихо, благодаря согласію, царствовавшему въ семьѣ Всеволода Большое-Гнѣздо, т.-е. между Суздальскихъ князей.

Но за то въ южной Руси взаимная вражда князей находилась въ полномъ разгарѣ. Въ борьбѣ при-

нимали самое дѣятельное участіе сосѣди, какъ-то: угры, поляки и половцы, и наибольшая военная дѣятельность сосредоточилась вокругъ Галича, составлявшаго главное яблоко раздора.

Не утихала также и борьба за обладаніе Кіевомъ, который за это время безпрерывно переходилъ изъ рукъ однихъ князей къ другимъ.

За это время, т.-е. между первымъ и вторымъ нашествіями монголовъ, на Русь обрушилось также не мало разныхъ другихъ бѣдствій, сопровождавшихся тревожными явленіями природы. Такъ въ 1228 г. въ Новгородской и въ 1229 г. въ Галицкой земляхъ были сильныя наводненія. Въ 1230 году въ Новгородѣ Великомъ и другихъ мѣстахъ Руси—необыкновенная засуха, страшный отъ того голодъ и моръ людей. 3-го мая того же 1230 года—большое землетрясеніе въ Кіевѣ и его окрестностяхъ, чувствовавшееся даже въ Новгородѣ и Владимірѣ. Вслѣдъ затѣмъ въ маѣ же мѣсяцѣ послѣдовало солнечное затмѣніе, а въ 1233 году—явленіе кометы. Все это сильно смущало народъ, предполагавшій, что насталъ конецъ міру. Между тѣмъ и въ Чингизовой громадной Монгольской монархіи послѣдовали также весьма важныя обстоятельства.

Въ 1227 году умеръ Чингизъ-ханъ, а еще прежде умеръ его старшій сынъ Джучи, которому онъ

назначилъ Кипчакъ и всѣ страны къ сѣверу и западу отъ Аральскаго и Каспійскаго морей. Остались въ живыхъ послѣ Чингиза три сына: Джагатай, Огодай, или Октай, и Тулуй. Своимъ преемникомъ или великимъ ханомъ онъ назначилъ Огодая, Джагатай получилъ Бухару и Туркестанъ, Тулуй—Персію, а Кипчакъ долженъ былъ поступить во владѣніе сыновей Джучи.

Огодай до 1234 года былъ занятъ покореніемъ Китайской имперіи ніучей и только по окончательномъ разгромѣ послѣдней онъ сталъ готовиться къ походу на Европу и въ южный Китай.

Главное начальствованіе силами, назначенными для завоеванія Европы и доходящими до 300.000, было поручено Батыю, сыну Джучіеву. Въ походѣ приняли также участіе и многіе другіе члены рода Чингиза, какъ-то: братья Батыя—Орду, Шейбани и Тангутъ; сыновья Огодая—Гаюкъ и Каданъ и сынъ Тулуя—Менгуили Мёнке.

Въ помощь Батыю былъ назначенъ извѣстный Субудай-багадуръ, принимавшій уже участіе въ первомъ нашествіи и въ Калкскомъ сраженіи.

Весною 1236 года двинулись монгольскія орды на западъ отъ верховьевъ Иртыша. Движеніе было медленное; это была просто перекочевка орды съ конями, стадами и всѣмъ имуществомъ. Откармливая

на пути свои стада и табуны, монголы присоединяли къ себѣ также и попутные турецкія и другія кочевыя орды, такъ что въ предѣлы Европы, т.-е за Яикъ (р. Уралъ), они вступили имѣя не менѣе полумилліона воиновъ.

Приблизительно въ іюнѣ мѣсяцѣ монголы дошли до Волги, откуда Батый отрядилъ Субудай-багадура съ частью войскъ для завоеванія Волжской Болгаріи, а самъ продолжалъ движеніе въ Половецкія степи и вскорѣ овладѣлъ всею страной до предѣловъ тогдашней Руси, т.-е. до нижняго Днѣпра и южныхъ границъ Черниговскаго, Сѣверскаго и Рязанскаго княжествъ.

Субудай-багадуръ осенью же 1236 года взялъ и разграбилъ столицу Камской Болгаріи—городъ Великій Болгаръ; Батый же предпринялъ дальнѣйшій походъ не прежде, какъ окончательно утвердившись на Кавказѣ и на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей.

Будучи къ тому же знакомъ со свойствами страны, составлявшей тогдашнюю Русь, Батый выбралъ для наступленія наиболѣе выгодное время года, т.-е. зиму, когда рѣки и болота не могли составлять препятствія для движеній и лѣса не могли служить хорошимъ укрытіемъ для противника.

По свидѣтельству историка Джувейни, „эта страна

была покрыта такими лѣсами и дубравами, что нѣтъ въ нихъ прохода и змѣѣ, и монголы должны были прокладывать дороги такой ширины, что на ней рядомъ могли идти три или четыре телѣги".

Вслѣдствіе приведенныхъ соображеній, только въ началѣ зимы 1237 года татары подошли къ границамъ Рязанскаго княжества и остановились на р. Онузѣ. Отсюда Батый отправилъ пословъ сначала къ Рязанскимъ князьямъ, а затѣмъ и во Владиміръ, требуя десятой части ихъ имѣнія.

Получивъ отказъ, монголы вторглись въ предѣлы Россіи широкою облавой, гоня передъ собою слабыя силы Рязанскихъ князей. 16 декабря татары обложили Рязань и 21 числа взяли ее приступомъ, разрабили и перебили жителей.

Послѣ того татары новой облавой двинулись въ Суздальское княжество; главныя силы ихъ направились на Коломну и Москву. Подъ Коломной татаръ встрѣтили войска великаго князя Юрія Всеволодовича, шедшія на помощь Рязани подъ начальствомъ сына его Всеволода и воеводы Еремѣя Глѣбовича. Въ происшедшемъ сраженіи Всеволодъ былъ разбитъ и самъ бѣжалъ съ незначительными остатками своихъ дружинъ. Коломна взята татарами и сожжена, причемъ, по свидѣтельству нѣкоторыхъ

источниковъ *), былъ убитъ сынъ Чингизъ-хана—Куль-ханъ.

Вслѣдъ за Коломною была взята Москва и уже отсюда двинулись татары на Владиміръ и Суздаль. Между тѣмъ великій князь, по непонятной причинѣ не позаботившійся своевременно сосредоточить силы подчиненныхъ ему обширныхъ владѣній, только теперь, поручивъ оборону Владиміра своимъ сыновьямъ Всеволоду и Мстиславу, отправился на сѣверъ собирать войска и соединиться съ братьями. Присоединивъ къ себѣ князей Ростовскихъ съ ихъ ратью и дождавшись прибытія одного изъ своихъ братьевъ—Святослава, Юрій Всеволодовичъ расположился со своими войсками на рѣкѣ Сити, недалеко отъ ея впаденія въ Мологу.

3 февраля татарскія главныя силы подошли къ Владиміру и обложили его. Пользуясь близостью лѣсовъ, татары быстро окружили весь городъ тыномъ, установили свои стѣнобитныя и камнеметныя машины и подъ прикрытіемъ ихъ неумолкаемаго дѣйствія приступили къ заваливанію рва и устройству примета. Уже 8 февраля работы настолько подвинулись, что татары въ этотъ день повели приступъ и ворвались въ городъ у Золотыхъ воротъ, со стороны

---

*) Исторія Рашидъ-Эддина.

Лыбеди—у Мѣдныхъ и Ирининскихъ воротъ, а отъ Клязьмы—черезъ Волжскія ворота.

Потерявъ внѣшній городъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ попытались было обороняться въ кремлѣ, но и онъ вскорѣ былъ взятъ и весь городъ окончательно разграбленъ.

Еще ранѣе Владиміра, другою частью силъ Батыя былъ взятъ Суздаль, а затѣмъ, въ теченіе февраля, все княжество и всѣ его города были уже во власти татаръ, дѣйствовавшихъ до того быстро, что раздѣленныя ихъ силы уже въ первыхъ числахъ марта подходили, или лучше сказать обходили расположеніе великаго князя на его позиціи за р. Сити. Высланный Юріемъ для развѣдокъ отрядъ обнаружилъ, что татары уже обошли русскихъ, и не успѣлъ еще Юрій Всеволодовичъ, 4 марта 1232 г., построить свои полки въ боевой порядокъ, какъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ татарами.

Бой кончился полнымъ пораженіемъ и бѣгствомъ только-что набранной отъ сохи рати русской; самъ великій князь былъ убитъ.

Послѣ побѣды при Сити и взятія города Торжка, послѣдовавшаго 5 марта послѣ двухнедѣльной осады, татары двинулись на Новгородъ. Главныя силы ихъ направились на Осташковъ и Старую Руссу, то-есть такъ-называемымъ Селигерскимъ путемъ.

Сдѣлавъ отъ Торжка около 15 переходовъ и дойдя до Игначъ-Крестца, т.-е. находясь отъ Новгорода всего во ста верстахъ, татары вдругъ повернули назадъ. Причиной этого внезапнаго отступленія было, очевидно, опасеніе Батыя быть застигнутымъ весною, съ ея распутицею и разлитіемъ рѣкъ, въ лѣсистыхъ и болотистыхъ предѣлахъ Новгородскихъ владѣній. Кромѣ того, какъ свидѣтельствуетъ Рашидъ-Эддинъ, монгольскіе отряды, двигаясь къ Новгороду, сбились съ кругу, т.-е. облава спуталась, составлять же новую Батый вѣроятно счелъ уже несвоевременнымъ.

Разгромъ и разореніе пройденныхъ татарами Русскихъ земель были въ полномъ смыслѣ слова окончательные: города и селенія не только разграблены, но въ большинствѣ просто стерты съ лица земли; населеніе или перебито, или уведено въ плѣнъ. По приведенному напримѣръ въ исторіи Рашидъ-Эддина разсказу Джувейни, „было объявлено повелѣніе, чтобъ у убитыхъ отрѣзывали правое ухо; насчитали до двухсотъ семидесяти тысячъ ушей“.

Черезъ Смоленское княжество и городъ Козельскъ, по пути взятый имъ, Батый ушелъ въ Половецкія степи, къ низовьямъ Дона. Здѣсь онъ въ теченіе 1239 и начала 1240 года закончилъ покореніе Кавказа и земель по берегамъ Азовскаго и Чернаго мо-

рей. Къ этому же, вѣроятно, времени относится также и завоеваніе имъ нашихъ южныхъ княжествъ— Черниговскаго, Сѣверскаго и Курскаго.

Уже зимой 1240 года предпринялъ Батый походъ въ сохранившую еще свою независимость южную часть Руси.

Переправясь черезъ Днѣпръ, татары обложили Кіевъ, огородили его тыномъ и повели энергичную осаду, направляя свои главныя усилія на наиболѣе слабую часть его укрѣпленій, т.-е. на западный фронтъ. Стѣнобитныя и камнеметательныя машины были сосредоточены у Лядскихъ воротъ, противъ Десятинной церкви и Софійскаго собора.

Великимъ княземъ Кіевскимъ въ это время былъ знаменитый Даніилъ Романовичъ Галицкій и Волынскій, который, не взявъ на себя оборону Кіева, поручилъ эту трудную задачу тысяцкому Дмитрію.

Стѣны Кіева не долго выдержали безпрерывное дѣйствіе пороковъ татарскихъ, вскорѣ сдѣлавшихъ въ нихъ проломъ у Лядскихъ воротъ. 6 декабря татары повели приступъ и послѣ чрезвычайно упорнаго боя овладѣли городомъ.

Вслѣдъ затѣмъ Батый, опустошивъ Кіевское княжество, перешелъ далѣе въ Волынскую и Галицкую земли, которыхъ постигла та же участь. Вообще овладѣніе южною Русью стоило татарамъ еще мень-

шихъ усилій и жертвъ, чѣмъ завоеваніе Сѣвера. Не смогли взять татары всего два города: Кременецъ и Колодяженъ, но послѣднимъ они все же таки завладѣли обманомъ. Старшіе князья южной Руси, какъ-то: Даніилъ и Василько Романовичи и Михаилъ Всеволодовичъ—постыдно бѣжали отъ татаръ въ предѣлы Польши и Венгріи и, не принимая никакого участія въ защитѣ своихъ княжествъ и городовъ, предоставляли ихъ собственнымъ своимъ силамъ.

Покончивъ съ юго-западною Русью, Батый въ началѣ 1241 года двинулся далѣе—въ Венгрію и Польшу, какъ говорятъ, по уговору плѣннаго тысяцкаго Дмитрія, пощаженнаго Батыемъ за славную оборону Кіева.

Такимъ образомъ къ 1241 году вся Русь, за исключеніемъ одного Новгорода Великаго, находилась во власти татаръ. Во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Руси были поставлены татарскіе намѣстники (баскаки) и установлены дани, уплачивавшіяся не только мѣхами и другими предметами, но и людьми.

Столь быстрое завоеваніе такого обширнаго и до сихъ поръ могущественнаго государства, какъ Русь, привлекаетъ, понятно, особенное вниманіе.

Въ сущности Батый овладѣлъ всею Русью въ два короткіе зимніе похода—1237 и 1240 годовъ,

т.-е. въ какихъ-нибудь 10 мѣсяцевъ. Эта поразительная быстрота, съ которою Русь потеряла свою свободу и независимость, объясняется прежде всего свойствами противныхъ сторонъ, представлявшими въ военномъ отношеніи совершенную противоположность, а затѣмъ искусствомъ дѣйствій Батыя и совершеннымъ отсутствіемъ таковаго на сторонѣ Руси.

Многочисленныя орды татаръ, составлявшія поголовно прекрасную, опытную боевую, военную силу, сплоченную въ рукахъ и во власти одного—и притомъ талантливаго—вождя, какъ Батый, составляли, понятно, для Руси, въ тогдашнемъ ея состояніи, противника совершенно непреодолимаго.

Разрозненная, раздробленная на множество мелкихъ, другъ другу враждебныхъ княжествъ, Русь не была въ состояніи выставить въ поле силы хотя бы сколько-нибудь достаточныя для удержанія грозной волны татарскаго нашествія. Даже если-бы князья русскіе, позабывъ свои распри, дружно, единодушно и со всѣми своими средствами выступили противъ татаръ, то и тогда этого было бы недостаточно противъ тѣхъ 600.000 воиновъ, которыми располагалъ Батый. Борьба была бы, разумѣется, продолжительнѣе и упорнѣе, успѣхъ стоилъ бы татарамъ дороже, но успѣхъ ихъ все-таки былъ бы несомнѣнный.

Невыгоды положенія Руси въ значительной мѣрѣ увеличивались благодаря и безразсудной безпечности, и совершенной бездарности и малодушію ея князей.

Уже первое нашествіе татаръ и Калкское пораженіе должны были бы служить для нашихъ князей предостереженіемъ. Не было недостатка въ свѣдѣніяхъ и въ послѣдующіе годы о производившихся монголами движеніяхъ внѣ предѣловъ Руси: такъ, въ 1229 году прибѣжали на Русь съ низовьевъ Волги разбитые саксины и половцы, а вслѣдъ затѣмъ и съ Яика были прогнаны татарами сторожа болгарскіе. Въ 1232 году татары проникли въ глубь Камской Болгаріи и даже зимовали недалеко отъ ея столицы. Наконецъ въ 1236 году, непосредственно передъ вторженіемъ въ Русь, Субудай-багадуръ завоевалъ Болгарію и разрушилъ Великій-городъ.

Всѣ эти обстоятельства, несомнѣнно указывавшія на приближающуюся для Руси опасность, не побудили однако князей не только готовиться къ предстоящей борьбѣ, но даже принять какія-либо мѣры предосторожности. Вслѣдствіе этого нашествіе татаръ было—по крайней мѣрѣ для южнаго, Рязанскаго княжества—неожиданнымъ.

Среди князей не нашлось ни одной сколько-нибудь выдающейся личности, которая могла бы взять

на себя руководство обороной Руси. Мало того, старшіе князья, начиная съ великаго князя Юрія Всеволодовича, малодушно уклоняются отъ участія въ защитѣ своихъ владѣній и поручаютъ это дѣло младшимъ князьямъ, своимъ тысяцкимъ и воеводамъ. Даже въ отдѣльныхъ княжествахъ, напримѣръ Рязанскомъ, силы ихъ дѣйствуютъ не сосредоточенно, а разбросанныя неумѣлыми предводителями, и разбиваются татарами отдѣльно.

Великій князь, бросивъ на произволъ судьбы не только свою столицу Владиміръ, но и свою жену съ дѣтьми, располагается на р. Сити въ ожиданіи прибытія помощи и около мѣсяца остается въ полнѣйшемъ бездѣйствіи, ничего не предпринимая не только для спасенія хотя бы части своихъ владѣній, но даже для охраненія находившихся подъ его начальствомъ войскъ. Мѣры развѣдыванія, наблюденія и охраненія были настолько недостаточны, что татарамъ не только удалось незамѣтно обойти русскую позицію, но даже великій князь не успѣлъ выстроить свои полки для отраженія неожиданнаго нападенія противника.

На югѣ Руси, какъ уже сказано выше, сопротивленіе было еще слабѣе, оборона еще хуже организована и князья выказали не болѣе доблести, чѣмъ ихъ сѣверные родичи.

Неудивительно послѣ этого, что Русь была для татаръ столь легкою и быстро пріобрѣтенною добычею.

То зло, которое было важнѣйшимъ условіемъ, благопріятствовавшимъ порабощенію Руси,—зло, коренившееся въ несчастной удѣльной системѣ,—было также причиною и того, что Русь оставалась столь долго подъ ненавистнымъ игомъ татарскимъ. Можно смѣло сказать, что не продолжай русскіе князья и послѣ Батыева нашествія своихъ распрей и ссоръ, серьезныя попытки свергнуть татарское иго могли бы начаться и гораздо ранѣе Дмитрія Донскаго, а успѣхъ увѣнчалъ бы ихъ не черезъ 200 слишкомъ лѣтъ.

Въ дѣйствительности же этотъ жестокій урокъ, данный Батыемъ, прошелъ опять-таки совершенно безслѣдно и русскіе князья еще цѣлое столѣтіе продолжаютъ свои междуусобія, даже съ еще большимъ ожесточеніемъ. При этомъ измѣнились однако въ нѣкоторой степени и характеръ борьбы князей между собою, и способы ихъ дѣйствій другъ противъ друга. Полемъ дѣйствій ихъ являются уже не поля сраженій, а ставка хановъ Золотой орды, впослѣдствіи же столица послѣднихъ—Сарай. Средствами борьбы являются уже не война, не оружіе, не бой открытою силой и не военное искусство, а

интриги при ханскомъ дворѣ, подарки и взятки всѣмъ власть имущимъ татарамъ и даже ихъ женамъ; честный бой замѣняется лестью, низкопоклонствомъ и исполненіемъ всякихъ прихотей ханскихъ. Это столѣтіе (съ 1241 по 1253 годъ) представляетъ собою время наиболѣе сильнаго во всѣхъ отношеніяхъ упадка Руси.

Непосредственно передъ Батыевымъ нашествіемъ, въ томъ же 1240 году, на сѣверо-западѣ Руси Новгороду Великому съ его княземъ Александромъ Ярославовичемъ пришлось вести борьбу еще съ другимъ врагомъ—шведами.

Въ это время въ Швеціи вмѣсто больнаго короля Эриха-Эрихсона управлялъ государствомъ зять его Биргеръ. Побуждаемый папскими буллами, Биргеръ принялъ личное начальство надъ собранными подъ его знаменами войсками для священной войны противъ русскихъ.

Шведы вошли въ Неву и остановились въ устьѣ Ижоры. Александръ, получивъ извѣстіе о появленіи шведовъ въ Невѣ, дорожа драгоцѣннымъ временемъ, съ однимъ новгородскимъ ополченіемъ и своею дружиной двинулся немедленно на встрѣчу врагу. Въ воскресенье, 15 апрѣля 1240 года, онъ подошелъ къ Ижорѣ. Шведы не ожидали нападенія и спокойно,

плохо охраняясь, были расположены въ своемъ лагерѣ на берегу Невы. Въ одиннадцать часовъ утра новгородцы совершенно неожиданно появились въ виду лагеря шведовъ и атаковали ихъ такъ стремительно, что многіе не успѣли даже взяться за оружіе. Самъ Александръ, принимавшій личное участіе въ бою, ранилъ копьемъ въ лицо Биргера, золотоверхій шатеръ послѣдняго былъ подрубленъ новгородцемъ Саввою и Шведы потерпѣли полное пораженіе.

Вслѣдъ за этою побѣдой, за которую Александръ Ярославовичъ получилъ прозваніе Невскаго, онъ не поладилъ съ новгородцами и уѣхалъ къ отцу въ Суздальское княжество. Между тѣмъ, въ самый годъ Невской побѣды, съ другой стороны напали на сѣверо-западную Русь другіе враги—Ливонскій орденъ меченосцевъ, къ этому времени значительно усилившійся соединеніемъ съ Тевтонскимъ орденомъ.

Нѣмцы овладѣли, при помощи измѣны, Псковомъ, взяли Изборскъ, перешли черезъ Лугу и въ 1242 году уже овладѣли новгородскими пригородами—Лугою и Тесовымъ, а въ Копорьѣ устроили крѣпость. Шайки нѣмцевъ и ихъ союзниковъ—чуди и води—доходили уже за тридцать верстъ до Новгорода и сообщенія послѣдняго стали крайне опасны и трудны. Въ этихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ новгородцы

послали просить себѣ князя у великаго князя Ярослава, назначившаго имъ первоначально своего сына Андрея. Тогда новгородцы послали своего владыку Спиридона съ боярами просить себѣ Александра, уступившаго ихъ просьбамъ. Дѣйствія Александра противъ нѣмцевъ начались взятіемъ Копорья, а вслѣдъ затѣмъ онъ, при помощи низовой, т.-е. суздальской рати, овладѣлъ и Псковомъ.

Въ первыхъ числахъ апрѣля 1242 года Александръ выступилъ изъ Пскова на встрѣчу нѣмецкаго войска, о приближеніи котораго онъ получилъ извѣстія.

Передовые новгородскіе отряды потерпѣли сначала неудачу и самъ Александръ вынужденъ былъ отступить на Чудское озеро. Здѣсь, на достаточно еще крѣпкомъ льду, у скалы, называемой Воронiй-Камень, близъ урочища Узмени, произошла въ субботу, 5 апрѣля, битва, извѣстная подъ названіемъ *Ледовое побоище.* Нѣмцы и чудь, построивши свой обыкновенный боевой порядокъ *свиньею* (клиномъ), успѣли было прорвать центръ русскихъ и даже часть ихъ обратить въ бѣгство, но въ это время Александръ съ крыльями своего боеваго порядка охватилъ фланги шведовъ и даже зашелъ и атаковалъ ихъ въ тылъ. Нѣмцы дрогнули и побѣжали, преслѣдуемые русскими на протяженіи семи верстъ.

Побѣда была полная: нѣмцы потеряли болѣе 500 человѣкъ и до 50 рыцарей было взято въ плѣнъ.

Эти двѣ побѣды имѣли весьма важное значеніе, потому что хотя войны съ нѣмцами и шведами не прекратились, но они уже и не мечтали болѣе о покореніи Руси. Даже папы перестали проповѣдывать крестовые походы на Русь, съ цѣлью водворенія въ ней католичества.

Заслуги Александра не ограничились однако вышеизложеннымъ, ему пришлось имѣть дѣло еще и съ третьимъ врагомъ сѣверо-западной Руси—Литвою. И здѣсь въ 1245 году Александръ устранилъ опасность, послѣдовательно разбивъ литовцевъ: подъ Торопцемъ, у озера Жизца и подлѣ Усвята.

Во всѣхъ—какъ перечисленныхъ выше, такъ и другихъ своихъ войнахъ Александръ Невскій выказалъ несомнѣнный военный талантъ. Дѣйствія его отличались всегда быстротой и чрезвычайною рѣшительностью; зная цѣну времени, онъ принималъ обыкновенно смѣлыя рѣшенія и приводилъ ихъ въ исполненіе, несмотря на то, что находившіяся въ его распоряженіи силы нерѣдко совершенно не соотвѣтствовали условіямъ обстановки. Несмотря на это, успѣхъ всегда сопровождалъ его многочисленныя военныя предпріятія и за длинный періодъ нашей исторіи—отъ нашествія татаръ до Дмитрія

Донскаго—Александръ Невскій является наиболѣе выдающимся и едва ли не единственнымъ способнымъ полководцемъ.

Послѣ Александра Невскаго военная исторія нашего отечества не представляетъ никакихъ выдающихся по своему значенію обстоятельствъ. Междуусобныя войны князей не представляютъ никакого интереса; внѣшнія войны съ сосѣдями, преимущественно западными, продолжаются попрежнему съ перемѣннымъ успѣхомъ.

За то въ политическомъ отношеніи это время представляетъ рядъ событій, имѣвшихъ чрезвычайное вліяніе на дальнѣйшую судьбу Руси. Къ числу важнѣйшихъ изъ нихъ относятся: первоначально—раздѣленіе Руси на юго-западную и сѣверо-восточную части, все болѣе и болѣе обособляющіяся, затѣмъ—образованіе на нашихъ западныхъ границахъ сильнаго Литовскаго княжества и, наконецъ, усиленіе Московскаго княжества, послужившаго ядромъ образовавшагося затѣмъ Русскаго царства.

Еще до нашествія монголовъ крайнія юго-западныя области Руси, т.-е. Галиція, Волынь и Подолія, выдѣлились въ особое княжество, впослѣдствіи королевство. Кіевское великое княженіе и Сѣверскія области хотя и сохраняли еще свою связь съ остальною Русью, но, сильно разоренныя и опустошенныя

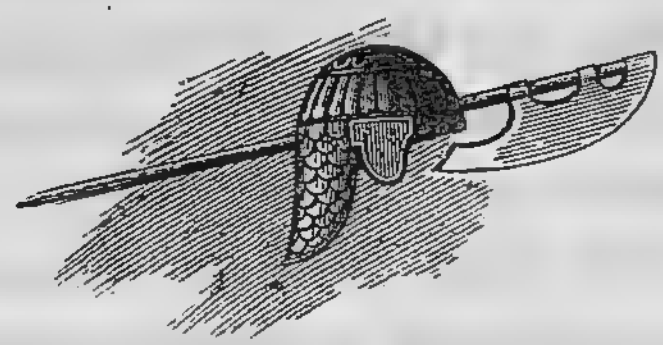
татарами, они уже совершенно утеряли свое прежнее значеніе. Въ первой половинѣ XIV столѣтія весь нашъ юго-западъ, завоеванный литовскимъ великимъ княземъ Гедиминомъ, окончательно отторгается отъ Руси. Смоленское, Черниговское и Кіевское княжества, Волынь и Подолія, а также всѣ мелкія княжества по Днѣпру и его притокамъ—присоединяются къ Литвѣ, образующей сильное и притомъ независимое отъ монголовъ великое княжество.

Предѣлы собственно Руси сокращаются такимъ образомъ до того, что она составляетъ въ половинѣ XIV вѣка едва $^1/_3$ часть Руси временъ Ярослава I-го, да и эти жалкіе остатки не представляютъ ничего цѣлаго.

Ядромъ Руси этого времени были области Суздальскія, составлявшія великое княжество Владимірское, въ предѣлахъ котораго находилась и Москва, первоначально весьма незначительный городъ. Обыкновенно Москва составляла удѣлъ одного изъ младшихъ членовъ Владимірскаго великокняжескаго дома.

Усиленіе Москвы собственно начинается съ княженія въ ней младшаго сына Александра Невскаго—Даніила—и при ближайшихъ потомкахъ послѣдняго это усиленіе идетъ уже чрезвычайно быстро. Въ

большинствѣ случаевъ однако это возрастаніе предѣловъ, силы и могущества Московскаго княжества является слѣдствіемъ не завоеваній, а результатомъ хитрой и ловкой политики Московскихъ князей. Какъ бы то ни было, но уже въ 1341 году Симеонъ Гордый, сынъ Ивана Калиты и внукъ Даніила Александровича, впервые считаетъ себя вправѣ именоваться великимъ княземъ *всея Руси*.



ГЛАВА III.

Княженіе Дмитрія Донскаго.—Нашествіе Мамая.—Куликова битва.

Въ 1363 году Владимірское великое княжество занялъ московскій князь Дмитрій Іоанновичъ, которому принадлежитъ въ русской исторіи выдающееся мѣсто, какъ положившему начало открытой борьбѣ съ Золотою ордой. Къ этому времени въ послѣдней безпорядки, борьба хановъ изъ-за престола и дробленіе ея на части привели къ значительному ослабленію ея былаго могущества.

Дмитрій Іоанновичъ, еще ранѣе выказавшій замѣчательныя способности въ упорной борьбѣ, ко-

торую ему пришлось вести съ князьями Тверскимъ, Рязанскимъ и Литовскимъ, съумѣлъ привлечь къ союзу съ Москвой почти всѣхъ князей сѣверо-восточной Руси.

Съ 1373 года уже начались столкновенія его съ татарами. Въ 1375 году соединенныя суздальскія и московскія силы, подъ начальствомъ сыновей князя Нижегородскаго и московскаго служилаго князя Дмитрія Михайловича Волынскаго-Боброка, предпринимаютъ зимній походъ въ Камскую Болгарію, гдѣ образовалось независимое Казанское ханство. Русскія войска осадили Казань, опустошили ея окрестности и принудили хана Асана просить мира, уплатить большой окупъ и допустить въ Казань русскихъ таможенныхъ сборщиковъ.

Въ 1377 году татары, подъ предводительствомъ царевича Арапши, вторглись въ предѣлы Нижегородскаго княжества. Дмитрій Іоанновичъ немедленно двинулся на помощь, но, не получая никакихъ извѣстій объ Арапшѣ, вскорѣ вернулся изъ Нижняго въ Москву, оставивъ большую часть своихъ войскъ въ распоряженіи Нижегородскаго князя.

Соединенныя суздальско-нижегородскія и московскія силы двинулись разыскивать татаръ и въ концѣ іюля перешли черезъ рѣку Пьяну (притокъ Суры). Движенія русскихъ войскъ производились съ край-

нею безпечностью: вооруженіе было сложено въ повозки и ратники расхаживали въ охабняхъ и сарафанахъ. Пьянство приняло громадные размѣры, бояре и воеводы потѣшались пирами и занимались охотой. Между тѣмъ Арапша былъ недалеко и, проведенный скрытыми путями мордовскими старшинами, онъ 2-го августа, раздѣливъ свои силы на пять колоннъ, съ разныхъ сторонъ атаковалъ русскихъ. Застигнутые врасплохъ, русскіе были разбиты на голову, а вслѣдъ затѣмъ Арапша взялъ и разграбилъ Нижній Новгородъ.

Лѣтомъ слѣдующаго 1378 года татары, подъ начальствомъ мурзы Бегича, вторглись въ Рязанское княжество. Дмитрій Іоанновичъ поспѣшилъ на помощь Олегу Рязанскому, вмѣстѣ они перешли Оку и встрѣтили татаръ въ 15 верстахъ отъ Переяславля-Рязанскаго, на берегахъ рѣки Вожи. Нѣсколько дней противники стояли неподвижно въ виду другъ друга; наконецъ, 11 августа татары перешли рѣку и атаковали Дмитрія. Встрѣченные контръ-атакою русскихъ: съ фронта—самимъ великимъ княземъ съ большимъ полкомъ, а съ фланговъ—княземъ Даніиломъ Пронскимъ и московскимъ окольничимъ Тимоѳеемъ Вельяминовымъ, татары были опрокинуты и бѣжали.

Вожская побѣда не могла остаться безъ возмез-

дія со стороны татаръ, и дѣйствительно, Мамай вымстилъ свою злобу на Рязанскомъ княжествѣ, значительная часть котораго подверглась разоренію. Но для войны съ сильнымъ Московскимъ княземъ Мамай сталъ дѣлать болѣе серьезныя приготовленія. Собравъ силы подвластныхъ ему татаръ и половцевъ, Мамай нанялъ бесерменъ, армянъ, черкесъ, буртасъ и фряговъ (генуэзцевъ). Кромѣ того, онъ заключилъ союзы съ литовскимъ великимъ княземъ Ягелломъ Ольгердовичемъ и княземъ Рязанскимъ Олегомъ. Въ іюнѣ 1380 года началось—медленное впрочемъ—движеніе главныхъ силъ татаръ къ предѣламъ Руси на соединеніе съ литовцами и рязанцами. Днемъ соединенія былъ назначенъ Семеновъ день, то-есть 1 сентября.

Олегъ, ведшій переговоры о союзѣ съ Мамаемъ черезъ боярина Епифана Карѣева, въ то же время увѣдомлялъ Дмитрія о намѣреніяхъ Мамая и его приближеніи къ устьямъ Воронежа.

При первыхъ же извѣстіяхъ объ угрожающей опасности Дмитрій Іоанновичъ сталъ энергично готовиться къ борьбѣ, собирая въ Москву ратныхъ людей и приглашая на помощь сосѣднихъ князей.

Между тѣмъ отъ Мамая прибыли послы съ требованіемъ уплаты дани въ прежнихъ размѣрахъ и подчиненія ханамъ, какъ это было при Узбекѣ.

Дмитрій собралъ на совѣтъ бояръ, подручныхъ князей и высшее духовенство, которое совѣтовало исполнить требованія хана. Дмитрій, уступая этимъ совѣтамъ, одарилъ татарскихъ пословъ и, отпустивъ ихъ домой, самъ отправилъ къ Мамаю посломъ Захарія Тютчева, для веденія переговоровъ о мирѣ. Военныя приготовленія однако не прекращались, но они еще далеко не были окончены, какъ прибывшій отъ Тютчева гонецъ привезъ извѣстіе, что Мамай двигается къ Московскому княжеству и что Олегъ Рязанскій также вступилъ въ союзъ съ ханомъ.

Посовѣтовавшись со своими приближенными, Дмитрій Іоанновичъ принялъ рѣшеніе дѣйствовать наступательно и, двинувшись на встрѣчу Мамаю, разбить его, не допустивъ въ Московскіе предѣлы и ранѣе соединенія съ Ягелломъ и Олегомъ.

Планъ Дмитрія можетъ быть признанъ образцовымъ, какъ вполнѣ отвѣчающій обстановкѣ. Наибольшую опасность для Руси, несомнѣнно, представляла армія Мамая; эта опасность, разумѣется, должна была возрости, еслибы литовцы и рязанцы успѣли присоединиться. Ясно, что именно на Мамая надо было направить первый ударъ, и притомъ нанести его ранѣе соединенія союзниковъ.

Во исполненіе принятаго рѣшенія, Дмитрій не-

мѣдленно отправилъ гонцовъ ко всѣмъ еще не успѣвшимъ прибыть князьямъ и воеводамъ, чтобъ они шли не на Москву, а спѣшили бы къ Коломнѣ, назначенной общимъ сборнымъ пунктомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ тотчасъ же былъ отправленъ сильный развѣдывательный отрядъ подъ начальствомъ Родіона Ржевскаго, Андрея Волосатаго и Василія Тупика.

Не дождавшись, однако, отъ этихъ развѣдчиковъ нетерпѣливо ожидаемыхъ извѣстій, великій князь отправилъ вторую „сторóжу“, подъ начальствомъ Климента Поленина, Ивана Свяслова и Григорія Судока. Послѣдніе на дорогѣ встрѣтили Василія Тупика, везущаго извѣстіе, что ханъ идетъ со всею ордой, но не спѣшитъ, выжидая союзниковъ и окончанія уборки на Руси полей, дабы воспользоваться готовыми запасами.

Тогда Дмитрій приказалъ ускорить движеніе войскъ къ Коломнѣ, назначивъ Успеньевъ день, то-есть 15 августа, срокомъ сбора. Самъ великій князь 18-го числа прибылъ въ монастырь Св. Троицы за благословеніемъ игумна Сергія, а 20-го, утромъ, выступилъ въ Коломну съ московскою ратью.

Движеніе было выполнено тремя колоннами: правая—самого великаго князя—на дер. Котлы; средняя—князя Владиміра Андреевича—Болвановскою дорогой и лѣвая—князей Бѣлозерскихъ—на Браше-

во (Бронницы). 24 августа великій князь прибылъ въ Коломну и 25-го произвелъ на Дѣвичьемъ полѣ смотръ всему собранному войску, послѣ чего раздѣлилъ ихъ на обычные четыре походные полка и назначилъ начальниковъ.

Передовой полкъ былъ порученъ князьямъ Дмитрію и Владиміру Всеволодовичамъ (Друцкіе).

Большой полкъ взялъ на себя самъ великій князь и при немъ находились князья Бѣлозерскіе. Большой полкъ составляли дружины: Московская, Коломенская (тысяцкій Николай Васильевичъ Вельяминовъ), Владимірская (князь Романъ Прозоровскій), Юрьевская (бояринъ Тимоѳей Валуевичъ), Костромская (Иванъ Родіоновичъ Квашня) и Переяславская (Андрей Серкизовичъ).

Полкъ правой руки — подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго и при немъ князья Ярославскіе. Кромѣ того подъ нимъ воеводами были: бояре Данило Бѣлоусъ и Константинъ Кононовичъ, князья Ѳедоръ Елецкій, Юрій Мещерскій и Андрей Муромскій.

Полкъ лѣвой руки былъ ввѣренъ князю Глѣбу Брянскому;

Числительность войскъ простиралась до *ста пятидесяти тысячъ* человѣкъ, несмотря на то, что тутъ были войска только изъ владѣній Московскаго

великаго князя и подручныхъ ему мелкихъ князей. Ни одинъ изъ крупныхъ, независимыхъ князей Руси не принялъ участія въ ополченіи Дмитрія.

26-го августа войска выступили изъ Коломны и двинулись лѣвымъ берегомъ р. Оки къ устью Лопасни. Этимъ кружнымъ движеніемъ избѣгалась необходимость проходить по серединѣ враждебнаго Дмитрію Рязанскаго княжества.

У Лопасни войска пріостановились. Здѣсь присоединился къ нимъ воевода Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ, приведшій тѣхъ ратниковъ, которые опоздали прибытіемъ въ Москву.

Получивъ здѣсь же какія-то новыя свѣдѣнія о непріятелѣ, Дмитрій переправилъ войска черезъ Оку и, ускоривъ движеніе, направился на югъ къ соединенію Дона и Непрядвы.

Для охраненія войска, наблюденія за непріятелемъ и собранія свѣдѣній былъ высланъ отрядъ отборной конницы, подъ начальствомъ боярина Семена Мелика.

Движеніе выполнено было настолько быстро, что пѣхота сильно отстала отъ конницы и великій князь, дойдя до Дона, долженъ былъ остановиться, выжидая ея присоединенія. На пути отъ Оки къ Дону къ арміи присоединились еще со своими дружинами два Ольгердовича—Андрей Полоцкій и Дмитрій Ко-

рибутъ-Брянскій; они оба въ это время были въ ссорѣ съ братомъ Ягелломъ. По нѣкоторымъ источникамъ, они привели съ собою около сорока тысячъ человѣкъ *). Около 7-го сентября подтянулась пѣхота и въ это же время къ великому князю привели отъ боярина Мелика плѣннаго татарина, какъ оказалось, принадлежавшаго къ свитѣ самого Мамая.

Этотъ татаринъ показалъ, что Мамай находится за Дономъ у Кузьминой гати (приблизительно въ трехъ переходахъ) и подвигается впередъ медленно, поджидая союзниковъ. Черезъ три дня однако можно было ожидать уже перехода Мамая черезъ Донъ. О близости же войскъ Дмитрія Мамай ничего не зналъ.

Съ другой стороны было получено извѣстіе, что Ягелло находится у Одоева, на берегахъ р. Упы; гдѣ же былъ Олегъ Рязанскій, было неизвѣстно.

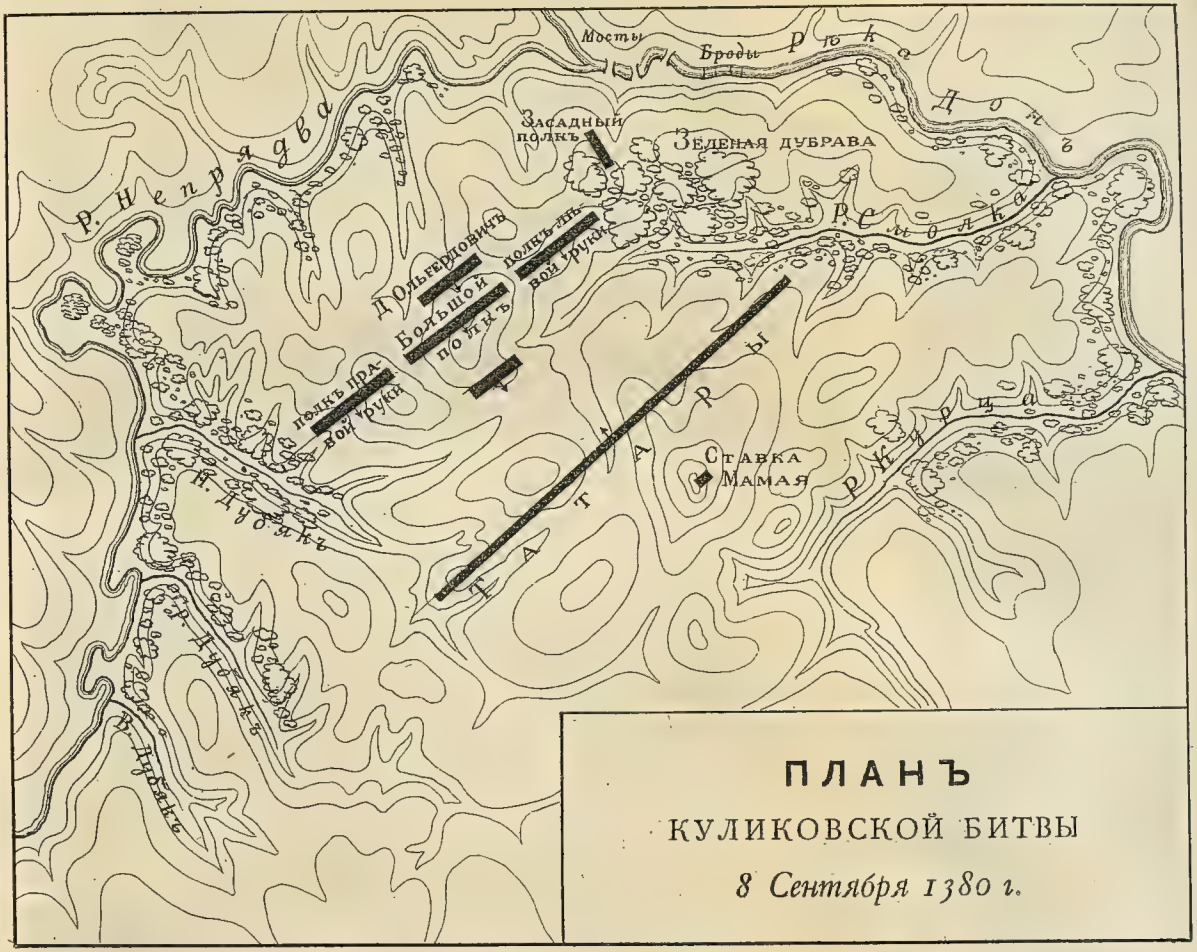
Приходилось рѣшить вопросъ, гдѣ дать сраженіе: перейти ли черезъ Донъ и атаковать татаръ имѣя въ тылу рѣки Донъ и Непрядву, или же оставаться на лѣвомъ берегу Дона, имѣя его передъ фронтомъ? На собранномъ великимъ княземъ военномъ совѣтѣ мнѣнія раздѣлились: болѣе осторожные считали опаснымъ переходить рѣку и сражаться имѣя трудный

---

*) Архангелогородскій лѣтописецъ.

путь отступленія и рискуя, что въ тылъ выйдутъ рязанцы и литва; обратнаго мнѣнія были Ольгердовичи, которые убѣдительно требовали наступленія. Дмитрій Іоанновичъ рѣшительно принялъ сторону Ольгердовичей и рѣшилъ вопросъ слѣдующими достопамятными словами: „Любезные друзья и братья! Вѣдайте, что я пришелъ сюда не за тѣмъ, чтобы на Олега смотрѣть или рѣку Донъ стеречь, но дабы Русскую землю отъ плѣненія и разоренія избавить или голову свою за всѣхъ положить; честная смерть лучше плохаго живота. Лучше было бы мнѣ нейти противъ безбожныхъ татаръ, нежели, пришедъ и ничтоже сотворивъ, воротиться вспять. Нынѣ же пойдемъ за Донъ и тамъ или побѣдимъ и все отъ гибели сохранимъ, или сложимъ свои головы за святыя церкви, за православную вѣру и за братью нашихъ христіанъ“.

7-го сентября, въ пятницу, приступили къ постройкѣ мостовъ для пѣхоты, а для конницы были найдены броды. Къ ночи русскія войска окончили переправу и расположились при впаденіи Непрядвы въ Донъ. Во время переправы прискакалъ со своей сторожей бояринъ Меликъ и донесъ, что Мамай уже на Гусиномъ броду, знаетъ о приходѣ Дмитрія и спѣшитъ къ переправамъ. Но татары опоздали,—они прибыли только въ ночь съ 7-го на 8-е и остано-



ПЛАНЪ

КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

8 Сентября 1380 г.

вились за рѣчкою Смолкою (см. планъ сраженія). Мѣстность, на которой расположились русская рать и татарскія полчища, носила названіе *Куликова поля* и на самомъ возвышенномъ пунктѣ его, называемомъ Краснымъ холмомъ, былъ поставленъ шатеръ Мамая. Удаленіе армій противниковъ другъ отъ друга было не болѣе 7—8 верстъ.

7-го же сентября Дмитрій получилъ извѣстіе, что Ягелло спѣшитъ отъ Одоева, и на другой день, т.-е. во время Куликовской битвы, онъ дѣйствительно былъ уже всего въ одномъ переходѣ.

Утромъ 8 сентября, въ туманъ до того густой, что совершенно скрывалъ движенія войскъ, армія Дмитрія Іоанновича продвинулась впередъ и заняла позицію, примкнувъ правымъ флангомъ къ оврагу рѣчки Нижняго Дубика, а лѣвымъ—къ р. Смолкѣ. Позиція эта представляла существенныя выгоды, такъ какъ оба фланга ея обезпечивались отъ охвата, составляющаго любимый маневръ татаръ, а при одной фронтальной атакѣ превосходство татаръ въ силахъ было далеко не такъ опасно.

Въ 9 часу утра туманъ сталъ разсѣиваться и вскорѣ русскія войска построили слѣдующій боевой порядокъ:

Полкъ правой руки, подъ начальствомъ Андрея Ольгердовича, примкнулъ къ оврагу Нижняго Ду-

бика. Полкъ лѣвой руки—князей Бѣлозерскихъ,—примкнулъ лѣвымъ флангомъ къ рѣкѣ Смолкѣ. Въ центрѣ—большой полкъ, которымъ подъ великимъ княземъ начальствовали: Глѣбъ Брянскій и великій московскій бояринъ Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ. Впереди боевой линіи поставленъ былъ передовой полкъ, состоявшій изъ большей части пѣхоты, дружины Николая Васильевича Вельяминова и сторожеваго отряда Семена Мелика; командовали этимъ полкомъ братья Всеволодовичи. Кромѣ того, въ частномъ резервѣ, за лѣвымъ флангомъ большаго полка, былъ поставленъ особый отрядъ Дмитрія Ольгердовича. Наконецъ, засадный полкъ, или главный резервъ, изъ отборной конницы, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и боярина Дмитрія Михайловича Боброка, расположился за лѣвымъ флангомъ всего боеваго порядка, укрываясь густою зеленою дубравою.

Это расположеніе засаднаго полка было чрезвычайно удачно, такъ какъ, служа резервомъ для боеваго порядка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ прикрывалъ переправы, устроенныя черезъ Донъ, т.-е. обезпечивалъ путь отступленія.

По окончаніи построенія великій князь объѣхалъ ряды своей рати, ободряя воиновъ, послѣ чего Дмитрій слѣзъ съ коня, снялъ съ себя великокня-

жескую одежду, надѣлъ ее на своего любимца боярина Михайлу Бренка, приказалъ ему сѣсть на своего коня и возить передъ нимъ велико-княжескій стягъ. Самъ же Дмитрій надѣлъ простой плащъ и, сѣвъ на другаго коня, поѣхалъ въ передовой полкъ.

Около одиннадцати часовъ утра войска обѣихъ противныхъ сторонъ двинулись на встрѣчу другъ другу. Русская рать съ ея свѣтлыми, блестящими доспѣхами и червленными (красными) щитами такъ и сіяла на солнцѣ, татары же походили издали на темную тучу съ ихъ темными, тростниковыми щитами и сѣрыми кафтанами.

Въ серединѣ передовой части татарскаго боеваго порядка также находилась пѣхота,—вѣроятно, наемная генуэзская. Она двигалась въ густой, глубокой колоннѣ. Сойдясь на довольно уже близкое разстояніе, обѣ стороны остановились и со стороны татаръ выѣхалъ впередъ громаднаго роста воинъ, чтобы, по обычаю, единоборствомъ завязать дѣло. Противъ него выступилъ инокъ Пересвѣтъ, взятый Дмитріемъ изъ обители Св. Троицы. Съ копьемъ въ рукахъ Пересвѣтъ поскакалъ на татарина, который также понесся ему на встрѣчу. Столкнувшіеся кони противниковъ упали на колѣни, а сами ратники съ одного удара пали оба мертвыми. Это послужило сигналомъ къ общему бою.

По условіямъ мѣстности, наиболѣе удобнымъ пунктомъ для атаки расположенія русскихъ войскъ былъ ихъ центръ, на который татары и направили массу своихъ силъ. Передовой полкъ, въ которомъ бился и самъ великій князь, вскорѣ почти уничтоженный, долженъ былъ уступить превосходнымъ силамъ, и татары насѣли на большой полкъ.

Усилія татаръ прорвать нашъ центръ увѣнчались было нѣкоторымъ успѣхомъ,—они опрокинули Московскую дружину, убили боярина Бренка и уже подрубили велико-княжескій стягъ,—но Глѣбъ Брянскій и Тимоѳей Вельяминовъ успѣли снова привести въ порядокъ большой полкъ и удержаться на мѣстѣ.

Въ это время полкъ правой руки Андрея Ольгердовича, отразивъ татаръ, могъ бы перейти въ наступленіе, но это отрывало бы его отъ большаго полка, вслѣдствіе чего онъ благоразумно воздержался отъ движенія.

Потерпѣвъ неудачу въ центрѣ, татары, выдвинувъ подкрѣпленія, бросились на наше лѣвое крыло, которое удерживалось, пока не были убиты князья Бѣлозерскіе. Послѣ этого лѣвый полкъ сталъ отступать и большому полку угрожала серьезная опасность быть атакованнымъ во флангъ и тылъ. На нѣкоторое время эта опасность была отклонена тѣмъ, что частный резервъ Дмитрія Ольгердовича,

перемѣнивъ фронтъ налѣво, прикрылъ флангъ большаго полка. Тѣмъ не менѣе, опрокинувъ наше лѣвое крыло, татары отрѣзывали насъ отъ Дона и вся армія могла быть опрокинута въ Непрядву. Но татары въ свою очередь подставляли свой флангъ и тылъ ударамъ засаднаго полка, скрытаго за дубравой.

Благодаря опытности и хладнокровію боярина Дмитрія Боброка, все время сдерживавшаго пылкаго, молодаго князя Владиміра Андреевича, засадный полкъ бросился въ атаку только тогда, когда торжествующіе уже татары, преслѣдуя нашъ лѣвый флангъ, поровнялись съ зеленою дубравою. Стремительно атаковала эта отборная дружина флангъ и тылъ татаръ, которые, ошеломленные неожиданностью, были вскорѣ опрокинуты и разсѣяны.

Съ появленіемъ засаднаго полка и вслѣдъ за его успѣшной атакой и большой полкъ перешелъ въ наступленіе. Тщетны были усилія татаръ удержаться,—отступать имъ пришлось на всемъ фронтѣ. На спускахъ Краснаго холма, съ котораго Мамай, окруженный мурзами и женами, смотрѣлъ на бой, татары, подкрѣпленные послѣдними своими резервами, пытались было пріостановиться, но, охватываемые со всѣхъ сторонъ, обратились наконецъ въ бѣгство. Однимъ изъ первыхъ ускакалъ Мамай со

своими приближенными, бросивъ весь свой станъ. Преслѣдованіе татаръ было доведено до р. Красной Мечи, т.-е. на протяженіи почти сорока верстъ.

Собственно бой окончился около трехъ часовъ пополудни, но нигдѣ не было видно великаго князя. Братъ и другъ Дмитрія князь Владиміръ Андреевичъ разослалъ людей во всѣ стороны разыскивать великаго князя. Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, онъ былъ найденъ лежащимъ безъ чувствъ подъ деревомъ, шлемъ и латы его изсѣчены, но самъ онъ невредимъ.

На другой день, въ воскресенье, Дмитрій Донской объѣхалъ Куликово поле, усѣянное трупами своихъ и враговъ. Потери обѣихъ сторонъ были огромныя: съ нашей стороны однихъ князей было убито пятнадцать человѣкъ; когда же Дмитрій, простоявшій близъ поля битвы 8 дней, приказалъ сосчитать оставшуюся рать, то, по словамъ лѣтописи, оказалось на-лицо всего сорокъ тысячъ.

Ягелло, узнавъ о побѣдѣ Дмитрія Іоанновича, отступилъ обратно въ Литву, а объ Олегѣ Рязанскомъ и не слышно было ничего.

Обремененныя огромною добычею возвратились затѣмъ русскія войска домой, и 28 сентября Дмитрій Донской торжественно вступилъ въ Москву.

Описанныя событія составляютъ безспорно одну

изъ самыхъ блестящихъ страницъ русской военной исторіи. Здѣсь снова сказывается та мощь русскаго народа, которая въ такихъ широкихъ размѣрахъ проявлялась во времена славныхъ князей—Святослава, Владиміра I-го, Ярослава и Владиміра Мономаха. И теперь русская рать, хотя и собранная далеко не со всей Руси и значительно уступавшая татарамъ въ числительности, но предводительствуемая талантливымъ и рѣшительнымъ Дмитріемъ Донскимъ, завершаетъ блистательно на Куликовомъ полѣ смѣлое предпріятіе великаго князя.

Съ военной точки зрѣнія этотъ походъ противъ Мамая и Куликовское сраженіе должны быть признаны образцовыми и по замыслу, и по исполненію. Послѣдствія же ихъ хотя и не привели къ немедленному и совершенному избавленію отъ татарскаго ига, но, тѣмъ не менѣе, значеніе Орды было настолько подорвано въ глазахъ русскаго народа, что окончательное освобожденіе Руси должно было послѣдовать въ недалекомъ, сравнительно, будущемъ.

Но прежде еще, чѣмъ наступило это счастливое время освобожденія Руси, ей и тому же Дмитрію Донскому пришлось снова испытать всѣ ужасы татарскаго погрома. Разбитый и горѣвшій жаждою мести, Мамай дѣятельно готовился къ новому походу на Русь, но въ это время у него оказался но-

вый опасный врагъ—ханъ Синей или Заяицкой орды, Тохтамышъ. Разбитый Тохтамышемъ на берегахъ Калки, Мамай бѣжалъ въ Крымъ, гдѣ былъ убитъ, и престоломъ Золотой орды овладѣлъ Тохтамышъ, немедленно потребовавшій отъ русскихъ князей возстановленія прежнихъ даннических отношеній. Не достигнувъ успѣха, Тохтамышъ рѣшился произвести нападеніе на Русь, но такъ, чтобы застать Дмитрія въ-расплохъ. Выполнить этотъ замыселъ ему удалось настолько, что узнавшій, наконецъ, о его движеніи Дмитрій хотя и двинулся навстрѣчу къ Коломнѣ, но силы его были настолько слабы, что на бой съ врагомъ онъ не рѣшился и черезъ Переяславль и Ростовъ отступилъ къ Костромѣ.

Тохтамышъ 23 августа 1381 года подошелъ къ Москвѣ, которая къ этому времени составляла уже сильную крѣпость, благодаря возведеннымъ Дмитріемъ каменнымъ стѣнамъ. Обложивъ городъ, татары три дня сряду пытались овладѣть имъ приступомъ. Всѣ усилія ихъ были безуспѣшны: осажденные всякій разъ отражали ихъ — обливая кипяткомъ, сбрасывая каменья, поражая штурмующихъ изъ самострѣловъ, пóроковъ и, впервые въ лѣтописяхъ упоминаемыми, *тюфяками* (ружьями) и *пушками*.

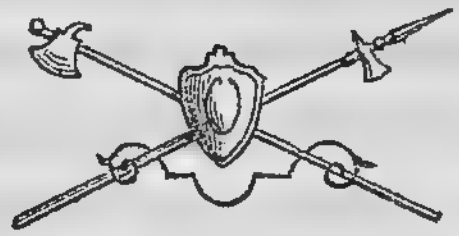
На четвертый день Тохтамышъ выслалъ парламентеровъ съ цѣлью убѣдить москвичей впустить въ городъ хана, обѣщающаго не сдѣлать никакого зла жителямъ. Благодаря крестному цѣлованію за Тохтамыша находившихся у него въ плѣну Суздальскихъ князей, защитники Москвы повѣрили и князь Остей, начальствовавшій въ городѣ, отворилъ ворота. Немедленно татары ворвались въ городъ и началось безпощадное избіеніе, послѣ чего городъ былъ зажженъ. Овладѣвъ Москвою, Тохтамышъ разослалъ повсюду свои отряды (загоны) грабить Московскія владѣнія. Одинъ изъ этихъ загоновъ наткнулся у Волоколамска на стоявшаго тутъ князя Владиміра Андреевича и былъ имъ разбитъ. Узнавъ объ этомъ и боясь появленія великаго князя, ханъ собралъ свои разбросанныя войска и немедленно сталъ уходить во-свояси. О силѣ погрома можно судить по тому, что одна Москва съ ея окрестностями потеряла отъ 50 до 60 тысячъ своего населенія.

Незначительность сопротивленія, оказаннаго на этотъ разъ Русью и Дмитріемъ Донскимъ, объясняется тѣмъ, что страна далеко еще не успѣла оправиться послѣ страшнаго напряженія силъ, потребовавшихся въ предшествовавшемъ году. По словамъ лѣтописей, въ это время „Русь оскудѣла ратными людьми“.

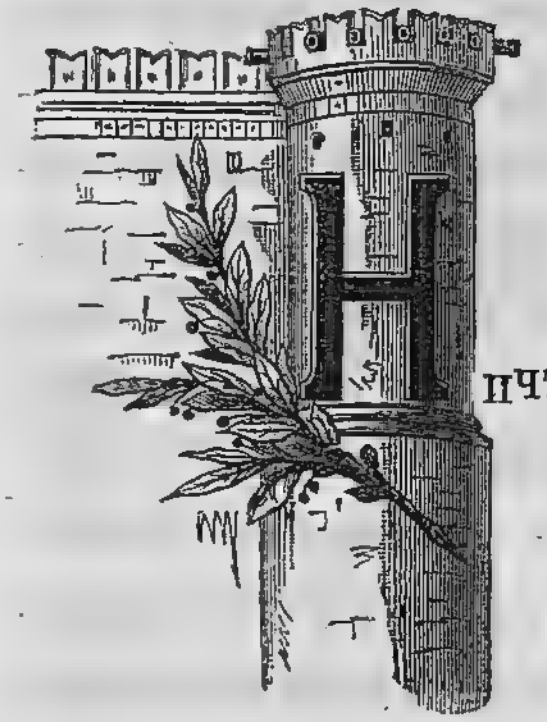
Дальнѣйшіе годы княженія Дмитрія Донскаго не представляютъ чего-либо выдающагося въ военномъ отношеніи. Они были заполнены борьбою съ княжествами Тверскимъ и Рязанскимъ и Новгородомъ, вольные люди котораго—ушкуйники—безчинствовали на Волгѣ и ея важнѣйшихъ притокахъ. Такъ, въ 1366 году „младые дворянчики“ изъ Великаго Новгорода на 200 ушкуяхъ спустились по Волгѣ и напали на Нижній Новгородъ, разграбили его и двинулись затѣмъ въ Каму.

Въ 1375 году волжане, или тѣ же ушкуйники, на 70 ушкуяхъ, въ числѣ 2.000 человѣкъ овладѣли Костромой и разграбили ее, вслѣдъ затѣмъ снова сожгли Нижній Новгородъ и, двигаясь далѣе по Волгѣ, продали въ Великихъ Болгарахъ всѣхъ плѣнныхъ женщинъ.

Спускаясь отсюда далѣе внизъ, они грабили всѣ торговые караваны и такимъ образомъ дошли до Астрахани, но здѣсь были обманомъ захвачены и всѣ перебиты; изъ ихъ череповъ построена была небольшая мечеть.



ГЛАВА IV.



Собиратели Руси: Василій I, Василій II Темный, Іоаннъ III, Василій III.

Ничѣмъ выдающимся въ военномъ отношеніи не были ознаменованы княженія ближайшихъ наслѣдниковъ Дмитрія Донскаго, т.-е. его сына Василія I и внука Василія Темнаго.

При Василіи I Руси угрожала было въ 1395 г. серьезная опасность со стороны Тамерлана, хана Джагатайскаго, который, разгромивъ Тохтамыша и его Золотую орду, двинулся было къ предѣламъ Руси, но, достигнувъ Ельца, Тамерланъ неожиданно повернулъ назадъ.

Послѣ этого цѣлыхъ 12 лѣтъ татары не были въ состояніи предпринять противъ Руси что-либо серьёзное. Только въ 1408 году, захватившій въ ордѣ всю власть, мурза Эдигей предпринялъ набѣгъ на

Московское княжество. Обманувъ великаго князя увѣреніями, что онъ идетъ противъ литовскаго великаго князя Витовта, Эдигею удалось внезапно появиться подъ Москвою. Овладѣть ею ему однако не удалось, такъ какъ у него не было даже ни пушекъ, ни стѣнобитныхъ машинъ. Намѣреніе его вынудить городъ голодомъ къ сдачѣ также не было выполнено, такъ какъ, простоявъ безполезно цѣлый мѣсяцъ, Эдигей получилъ извѣстіе о волненіяхъ въ ордѣ, требующихъ его возвращенія. Онъ снялъ обложеніе и удалился, взявъ однако обманомъ съ Москвы окупъ въ 3.000 рублей.

Княженіе Василія II Темнаго ознаменовано было возникновеніемъ послѣднихъ уже на Руси междуусобій въ великокняжеской семьѣ за обладаніе престоломъ. Соперниками Василія II явились сначала его дядя Юрій Дмитріевичъ, а впослѣдствіи сыновья послѣдняго—Василій Косой и Дмитрій Шемяка.

Въ концѣ концовъ Василій II вышелъ изъ этой борьбы побѣдителемъ, хотя и ослѣпленный Шемякою, почему и получилъ прозваніе Темнаго. Съ этихъ поръ въ Московскомъ великомъ княжествѣ окончательно устанавливается безспорное прямое наслѣдованіе престола сыномъ послѣ отца и междуусобія прекращаются.

Оба Василія неустанно и притомъ успѣшно тру-

дились надъ объединеніемъ сѣверо-восточной Руси и въ значительной мѣрѣ подготовили и облегчили окончательное выполненіе этой великой задачи вступившему въ 1462 году на престолъ Іоанну III Васильевичу.

Этому великому князю, называемому въ нашей исторіи великимъ собирателемъ Руси, удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ Великій Новгородъ съ его громадными областями.

Независимый отъ татаръ, Великій Новгородъ сохранялъ уже болѣе четырехъ съ половиною столѣтій почти полную независимость и отъ русскихъ великихъ князей. Съ замѣчательнымъ упорствомъ оберегалъ Новгородъ свою свободу отъ всѣхъ многократныхъ попытокъ поработить его—сперва Суздальскихъ, а затѣмъ Московскихъ великихъ князей. Положеніе его однако становилось со временемъ все труднѣе и труднѣе въ виду все возраставшаго могущества его двухъ ближайшихъ сосѣдей: съ одной стороны—Москвы, а съ другой—Литвы. Оказавшись наконецъ слишкомъ слабымъ, чтобы собственными силами бороться съ Москвою, Новгородъ искалъ было помощи у Литвы, но это не помогло, и въ концѣ концовъ одолѣлъ Московскій великій князь.

Іоаннъ III предпринималъ три похода съ цѣлью

покоренія Новгорода. Первый—въ 1471 году былъ начатъ вслѣдствіе того, что партія Борецкихъ, съ посадницею Марѳою во главѣ, настояла на признаніи княземъ Новгорода короля польскаго и великаго князя литовскаго Казиміра IV. Отправленное къ королю посольство заключило съ нимъ на этотъ счетъ договоръ.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ III сталъ готовиться къ войнѣ и затѣмъ не торопясь приступилъ къ военнымъ дѣйствіямъ. На собранной великой думѣ было рѣшено начать походъ немедленно, несмотря на лѣтнее время, въ которое болотистая, лѣсистая и пересѣченная мѣстность въ Новгородской области представляла значительныя трудности для движенія.

Въ концѣ мая 1471 года Іоаннъ Васильевичъ двинулъ свои войска по нѣсколькимъ направленіямъ: бояринъ Борисъ Слѣпецъ-Тютчевъ съ воеводой Василіемъ Образцомъ должны были наступать изъ Вятки въ область Сѣверной Двины и воевать Заволочье.

Нѣсколькими днями позже двинулись на самый Новгородъ двѣ передовыя рати: одна—князя Холмскаго, до 10.000 человѣкъ, направилась къ Старой Руссѣ и, соединясь здѣсь съ псковитянами, должна была дѣйствовать съ запада; другая—князя Оболенскаго-Стриги двинулась черезъ Вышній Волочекъ

къ р. Мстѣ. Самъ великій князь съ главною ратью выступилъ изъ Москвы 20 іюня. Замѣчательно-сухое лѣто сильно благопріятствовало дѣйствіямъ московскихъ отрядовъ. Хотя силы Іоанна были значительны, но, разбросанныя, онѣ различными путями и небрежно охраняясь двигались къ Новгороду и могли быть разбиты порознь. Это не ускользнуло отъ вниманія новгородцевъ, выславшихъ прежде всего Ильменемъ свое судовое ополченіе, т.-е. пѣхоту, противъ колонны князя Холмскаго, впереди другихъ находившейся. Конница новгородская двигалась обходя съ запада озеро Ильмень. Къ этому времени Холмскій овладѣлъ уже Старою Руссой и медленно двигался далѣе къ р. Шелони, поджидая псковитянъ. Новгородцы, желая разбить его до прибытія этихъ подкрѣпленій, поторопились и, высадившись только съ частью пѣхоты, двинулись противъ Холмскаго, находившагося у села Коростыня. Успѣвшій однако собрать свои войска, Холмскій самъ атаковалъ новгородцевъ и разбилъ ихъ. Получивъ же вслѣдъ затѣмъ извѣстіе о томъ, что другая часть новгородской пѣхоты вошла въ рѣку Полу и дошла до Старой Руссы, онъ быстро повернулъ туда и разбилъ и этотъ отрядъ.

Покончивъ съ пѣхотою, приходилось еще имѣть дѣло съ приближающеюся новгородскою конницей,

числительность которой показывается до 40.000 человѣкъ. По приказанію Іоанна, Холмскій двинулся къ Шелони на соединеніе съ приближающимися псковитянами. 13 іюля 1471 года обѣ противныя стороны подошли къ Шелони и двинулись вверхъ по ней: новгородцы—по лѣвому берегу, москвичи—по правому. Дойдя до устья р. Дряни, Холмскій остановился на ночлегъ и на другой день, несмотря на слабость своихъ силъ, послѣ короткой перестрѣлки, переправился черезъ Шелонь и атаковалъ новгородцевъ. Войска переходили рѣку частью въ бродъ, а частью и вплавь. Сначала новгородцы стали было тѣснить москвичей, но Холмскій приказалъ направлять стрѣлы и копья въ лошадей непріятеля. Неопытные всадники, большею частью ремесленники, не умѣли справиться съ бѣсящимися лошадьми, ряды ихъ разстроились и, наконецъ, будучи атакованы съ тыла успѣвшимъ зайти татарскимъ отрядомъ, новгородцы обратились въ безпорядочное бѣгство. Потери новгородцевъ въ этой Шелонской битвѣ простирались, по московскимъ источникамъ, до 12.000 убитыми и 2.000 плѣнными. Въ это время самъ Іоаннъ находился въ Яжелбицахъ, откуда, получивъ извѣстіе о Шелонской побѣдѣ, двинулся къ Коростыню, а Холмскій разорилъ Новгородскія области до ихъ сѣверныхъ границъ.

Не лучше шли дѣла Новгорода и въ Двинской области, гдѣ 12-тысячный отрядъ воеводы князя Василія Шуйскаго былъ разбитъ Тютчевымъ и Образцомъ, имѣвшими не болѣе 4.000. Наконецъ, въ самомъ городѣ была обнаружена измѣна; вслѣдствіе всего этого вѣче рѣшило просить Іоанна о пощадѣ. 11 августа былъ подписанъ договоръ, по которому Новгородъ обязывался уплатить 15.500 рублей окупу, не передаваться Литвѣ и посвящать своего архіепископа не иначе, какъ въ Москвѣ.

Второй походъ былъ предпринятъ Іоанномъ Васильевичемъ въ октябрѣ 1478 г.; причиною его былъ выставленъ отказъ новгородцевъ титуловать великаго князя „великимъ государемъ“. Вскорѣ Новгородъ былъ обложенъ со всѣхъ сторонъ, самъ Іоаннъ съ главною ратью перешелъ Ильмень по льду и 27 ноября расположился въ устьѣ р. Волхова, черезъ которую иностранцемъ Аристотелемъ былъ построенъ мостъ. Новгородцы рѣшились было упорно обороняться, но великій князь, разсчитывая на раздоры въ средѣ населенія, дѣлящагося на разныя партіи, не торопился атаковать городъ. Разсчеты Іоанна вполнѣ оправдались и новгородцы вскорѣ открыли переговоры, стараясь выговорить возможно мягкія условія сдачи города. Переговоры сильно затянулись, но наконецъ въ Новгородѣ сталъ ощущаться

голодъ, главный новгородскій воевода князь Шуйскій торжественно перешелъ на службу къ великому князю, тогда новгородцы вынуждены были согласиться на условія Іоанна. Согласно послѣднихъ, уничтожалось званіе посадника, упразднялось народное вѣче и вся власть сосредоточивалась въ рукахъ Іоанна, обязавшагося только не выводить людей изъ Новгородской земли. 15 января 1479 года Іоанновы бояре привели Новгородъ къ присягѣ, а черезъ три недѣли великій князь двинулся обратно въ Москву, увезя туда и вѣчевой колоколъ.

Однако въ томъ же году новгородцы снова завязали сношенія съ Казиміромъ IV. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ въ октябрѣ мѣсяцѣ въ третій разъ пошелъ на Новгородъ и осадилъ его. Осада длилась очень недолго, городъ снова сдался, но уже безусловно. Іоаннъ смѣнилъ владыку Θеофила, захватилъ всѣ сокровища архіепископа, болѣе сотни главныхъ вожаковъ было казнено и въ этомъ же году болѣе 1.000 семей изъ города и 7.000 семействъ изъ области были выселены въ Московскіе предѣлы, а вмѣсто нихъ поселены были свои—московскіе боярскія дѣти и купцы.

Другимъ крупнымъ присоединеніемъ къ владѣніямъ Московскимъ было Тверское княжество. Іоанну III удалось прекратить давнишнюю борьбу съ

этимъ сохранявшимъ до сихъ поръ самостоятельность крупнымъ удѣломъ. Предлогомъ войны послужило намѣреніе Тверскаго князя вступить въ союзъ съ Литвою. Іоаннъ III во главѣ значительныхъ силъ двинулся 21 августа 1486 года къ Твери. 8-го сентября Тверь была обложена и 11 числа князья и бояре Тверскіе передались на сторону Іоанна. Въ ту же ночь князь Михаилъ Борисовичъ бѣжалъ изъ Твери въ Литву, и княжество было присоединено къ владѣніямъ великаго князя.

Наконецъ, въ предѣлахъ послѣдняго, сохранявшаго еще самостоятельность крупнаго удѣла сѣверо-восточной Руси, въ княжествѣ Рязанскомъ, Іоаннъ пріобрѣлъ по наслѣдству значительную его часть.

Внѣ предѣловъ тогдашней Руси при Іоаннѣ III были окончательно покорены земли Вятская и Пермская. Московскія войска въ числѣ 64.000, подъ начальствомъ князя Даніила Щени и Григорія Морозова, безъ труда овладѣли въ 1489 году главнымъ городомъ вятчанъ—Хлыновомъ, а вслѣдъ затѣмъ и другіе города присягнули на вѣрность Московскому великому князю.

При Іоаннѣ же III послѣдовало окончательное прекращеніе даннических отношеній къ Золотой ордѣ. Царствовавшій въ это время ханъ Ахматъ предпринялъ было въ 1480 году походъ противъ

Руси, но какъ онъ, такъ и Іоаннъ выказали въ этомъ случаѣ крайнюю нерѣшительность. Найдя переправы черезъ Оку занятыми русскими войсками, ханъ двинулся черезъ Литву къ западной Московской границѣ. Но и здѣсь, на рѣкѣ Угрѣ, онъ былъ предупрежденъ русскими, успѣвшими занять главные переправы и броды. Обѣ стороны долго не рѣшались приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ; наконецъ, когда Угра замерзла и не могла болѣе служить препятствіемъ, Іоаннъ приказалъ своимъ войскамъ отступить на Кременецъ и Боровскъ. Однако и при этомъ Ахматъ не рѣшился перейти въ наступленіе, а между тѣмъ его войска стали сильно терпѣть отъ морозовъ и метелей, вслѣдствіе чего 11 ноября ханъ ушелъ назадъ въ степь.

Продолжительную и упорную борьбу пришлось вести Іоанну III и съ Литвою, постоянно враждебною Руси и находившеюся въ союзѣ съ ханомъ Ахматомъ и крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Въ ряду предпринимавшихся противъ Литвы походовъ можно отмѣтить таковой въ 1500 году, какъ ознаменовавшійся крупною побѣдой, одержанною русскими при Ведрошѣ. Іоаннъ III, намѣреваясь присоединить къ своимъ владѣніямъ области Черниговo-Сѣверскаго княжества, двинулъ туда свои войска опять разрозненными частями. Одна часть, подъ на-

чальствомъ хана Магметъ-Аминя и воеводы Якова Кошкина, вступила въ Сѣверскія земли и овладѣла нѣкоторыми ближайшими городами; другая — Юрія Кошкина—овладѣла въ Смоленскомъ княжествѣ городомъ Дорогобужемъ, и сюда была направлена и третья масса—тверскія войска, подъ начальствомъ князя Даніила Щени, который долженъ былъ принять на себя главное начальство.

Литовско-польское войско, подъ начальствомъ своего гетмана князя Константина Острожскаго, также приближалось къ Дорогобужу, и 14 іюня войска противныхъ сторонъ встрѣтились на Митьковомъ полѣ, на рѣкѣ Ведрошѣ. Силы были почти равныя, около 40 тысячъ у каждаго.

Русскія войска, завязавъ дѣло, отступили за р. Ведрошу съ цѣлью заманить сюда литовцевъ и разбить ихъ при помощи расположившагося въ засадѣ отряда Юрія Кошкина. Литовцы вдались въ обманъ, перешли рѣку по мосту и вступили въ упорный бой, между тѣмъ засадный полкъ внезапно ударилъ въ тылъ литовцамъ и отрѣзалъ имъ путь отступленія, разрушивъ мостъ. Опрокинутые въ рѣку, литовцы потерпѣли полное пораженіе: убитыми и потонувшими они потеряли болѣе 8 тысячъ; весь ихъ обозъ и вся артиллерія попали въ руки побѣдителя; самъ князь Острожскій былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ

этого было одержано еще нѣсколько мелкихъ побѣдъ, но попытка овладѣть Смоленскомъ не удалась. Еще 4 года длилась затѣмъ война и по заключенному, наконецъ, 25 марта 1503 года перемирію на 6 лѣтъ Москва пріобрѣла значительную часть Черниговo-Сѣверской земли.

Къ концу княженія Іоанна III предѣлы вновь образующагося Московскаго или, точнѣе, Русскаго государства достигаютъ уже весьма внушительныхъ размѣровъ. Возрастающее могущество Московскаго государства при Іоаннѣ же III сказалось уже и на отношеніяхъ Руси къ западно-европейскимъ государствамъ, среди которыхъ оно снова получаетъ значеніе, утерянное было ею за время удѣльныхъ неурядицъ и татарскаго ига. Іоаннъ III завязываетъ оживленныя сношенія съ Венгріею, Даніей, Молдавіей и Германскою имперіей Габсбурговъ.

Какъ въ дѣлахъ внутреннихъ, такъ и въ сношеніяхъ внѣшнихъ Іоаннъ III выказалъ замѣчательный государственный умъ; но нельзя сказать о немъ того же въ отношеніи его военныхъ предпріятій, въ которыхъ не замѣчается проявленія таланта. Его распоряженія для движенія войскъ къ Новгороду въ 1471 году прямо ошибочны. Какъ въ этомъ походѣ, такъ и въ другихъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ начальствовалъ, дѣйствія отличались всегда мед-

ленностью и нерѣшительностью. Въ походѣ же 1480 года противъ Ахмата онъ выказалъ даже трусость и, совершенно противъ своей воли, былъ принужденъ народомъ вернуться въ армію, откуда онъ было уѣхалъ.

Несмотря однако на указанную такъ-сказать заурядность Іоанна III, какъ предводителя, его княженіе имѣетъ весьма важное для Руси значеніе въ военномъ отношеніи. Значеніе это выразилось въ томъ, что при немъ установились новыя формы устройства нашихъ вооруженныхъ силъ. Формы эти, какъ будетъ выяснено ниже, имѣли существенное вліяніе на свойства, качества и достоинства нашихъ войскъ, и притомъ продержались въ продолженіе весьма долгаго времени, т.-е. до Петра Великаго, до образованія регулярной арміи.

Сынъ и преемникъ Іоанна III—Василій III, вступившій на престолъ въ 1505 году, продолжалъ политику расширенія предѣловъ Руси. Веденныя имъ войны на западѣ противъ Литвы, на югѣ съ Крымскими ханами и на востокѣ противъ Казанскаго царства, не представляютъ въ военномъ отношеніи особеннаго интереса, за исключеніемъ сраженія при Оршѣ.

Троекратныя попытки русскихъ войскъ овладѣть Смоленскомъ увѣнчались наконецъ 1 августа 1514

года успѣхомъ и Василій III торжественно въѣхалъ въ Смоленскъ, снова присоединивъ къ Руси эту древнюю часть ея.

Для прикрытія только-что занятаго Смоленска были выдвинуты впередъ къ Оршѣ, Борисову, Минску и Друцку князь Глинскій и воеводы: Голица и Челяднинъ. Въ концѣ августа войска Голицы и Челяднина, около 80 тысячъ, расположились у Орши, на лѣвомъ берегу Днѣпра. Сюда же прибылъ и князь Острожскій съ литовскою арміей, численность которой простиралась до 35 тысячъ. Ночью на 8 сентября 1514 года Острожскій переправилъ черезъ Днѣпръ свою конницу вплавь и подъ ея прикрытіемъ быстро выстроилъ мосты для пѣхоты и началъ строиться въ боевой порядокъ. Челяднинъ, вмѣсто того, чтобы немедленно атаковать переправляющагося противника, рѣшилъ дать ему окончить переправу и тогда уже отрѣзать ему путь отступленія. Съ этою цѣлью онъ свои главныя силы построилъ въ 3 линіи, а для дѣйствій въ тылъ противника выдѣлилъ на оба фланга сильные конные отряды.

Къ 9 часамъ утра литовцы окончили построеніе своего боеваго порядка и бой завязался тѣмъ, что въ лѣвый флангъ ихъ произведена была сильная атака конницы Михаила Голицы, при этомъ значительно удалившагося отъ праваго фланга своихъ

главныхъ силъ. Встрѣченный съ фронта контръатакою литовской конницы и во флангъ выдвинутою изъ резерва польскою, Михаилъ Голица боролся однако до тѣхъ поръ, пока не попалъ подъ сильный огонь непріятельской пѣхоты. Понеся большой уронъ, наша конница въ безпорядкѣ бросилась назадъ, преслѣдуемая Острожскимъ во главѣ всей своей конницы, которая врубилась даже во вторую линію нашего боеваго порядка. Въ то время, какъ центръ и правый флангъ были уже опрокинуты, на лѣвомъ флангѣ русская конница въ свою очередь опрокинула непріятельскую и бросилась ее преслѣдовать, какъ вдругъ наткнулась на литовскую артиллерію, встрѣтившую ее залпомъ изъ всѣхъ орудій. Одновременно съ этимъ атакованная польскими латниками, наша конница и здѣсь опрокинута и, преслѣдуемая противникомъ, была прижата въ уголъ, образуемый Днѣпромъ и болотистою рѣчкою Крапивною. Не имѣя здѣсь пути отступленія, весь лѣвый флангъ нашъ былъ истребленъ.

Между тѣмъ Челяднинъ со своими войсками все это время стоялъ не двигаясь съ мѣста и рѣшился атаковать въ тылъ зарвавшагося въ преслѣдованіи противника уже черезчуръ поздно, вслѣдствіе чего и самъ былъ опрокинутъ латниками Сверчевскаго и легкою конницей Радзивилла.

Такимъ образомъ значительно превосходныя силы русскихъ потерпѣли страшное пораженіе. По литовскимъ извѣстіямъ, русскіе потеряли въ этомъ сраженіи до 30 тысячъ человѣкъ.

Затѣмъ война съ Литвою продолжалась до 1522 года и заключена была миромъ, по которому Смоленскъ съ его областью перешелъ къ Руси.

Войны Василія съ Крымомъ ознаменовались гибельнымъ для Руси нашествіемъ хана Махметъ-Гирея. Въ маѣ 1521 года Василій получилъ извѣстіе о намѣреніи Махметъ-Гирея вторгнуться въ наши предѣлы; но въ это время ханъ со своими крымцами, ногаями и казаками донскими и днѣпровскими, съ ихъ воеводою Евстафіемъ Дашковичемъ, быстро двигался уже къ Окѣ. Почти всѣ войска русскія находились на Литовской границѣ и только незначительныя силы могли быть выдвинуты противъ Махметъ-Гирея. Слабый русскій отрядъ былъ безъ труда разбитъ татарами, разсѣявшимися затѣмъ по Руси для грабежа. Вслѣдъ затѣмъ къ татарамъ Крымскимъ присоединились и войска хана Казанскаго Саипъ-Гирея, по пути разорившаго пройденныя имъ области.

29 іюля Махметъ-Гирей подошелъ къ Москвѣ, изъ которой Василій уѣхалъ въ Волоколамскъ собирать войска. Смятеніе въ Москвѣ посреди стол-

пившагося въ ней окрестнаго населенія было ужасное. Пороху въ городѣ было такъ мало, что защита была почти невозможна, а потому начальствовавшій здѣсь царевичъ Петръ вступилъ въ переговоры съ Махметъ-Гиреемъ. Ханъ потребовалъ письменнаго обязательства въ томъ, что Василій будетъ платить дань. Получивъ это обязательство, Махметъ-Гирей двинулся обратно и по дорогѣ попытался было, но неудачно, овладѣть Рязанью.

Виновниками страшнаго бѣдствія, постигшаго Русь, были, понятно, самъ Василій, бросившій столицу, и малодушные бояре его, не рѣшившіеся защищаться.

Такое же малодушіе, нерѣшительность и неспособность выказали русскіе военачальники и въ войнахъ противъ Казани. Изъ всѣхъ предпринимавшихся при Василіи III походовъ на Казань выдѣляется выполненный въ 1524 году, для котораго было собрано до 150 тысячъ человѣкъ подъ начальствомъ князя Бѣльскаго. Пѣхота съ самимъ Бѣльскимъ двинулась на судахъ, а конница—сухимъ путемъ, подъ начальствомъ Хабара Симского. На судахъ же, подъ начальствомъ князя Палецкаго, былъ посланъ огнестрѣльный нарядъ, боевые и продовольственные припасы.

Высадившись въ виду Казани, Бѣльскій 20 дней ждалъ у Гостинаго острова прибытія конницы и без-

дѣйствіе свое простеръ до того, что когда загорѣлись деревянныя казанскія стѣны, то не воспользовался пожаромъ для овладѣнія городомъ. Онъ даже ничего не сдѣлалъ для воспрепятствованія казанцамъ выстроить новую стѣну. 28 іюля Бѣльскій перешелъ къ рѣчкѣ Казанкѣ, но и здѣсь бездѣйствовалъ до 15 августа, когда, по прибытіи конницы, рѣшился наконецъ обложить городъ.

Между тѣмъ транспортъ Палецкаго встрѣтилъ на пути большія препятствія, такъ какъ черемисы завалили каменьями и деревьями узкія мѣста по Волгѣ, между острововъ. Поражаемый съ берега стрѣлами и сбрасываемыми бревнами, топившими его суда, Палецкій пробился только съ незначительною частью своего транспорта.

Несмотря на эти неудачи, осада Казани вскорѣ вынудила осажденныхъ просить мира, такъ какъ единственный ихъ пушечный мастеръ былъ убитъ и безъ него нельзя было болѣе стрѣлять изъ пушекъ. Заключенный миръ не принесъ Руси ни малѣйшихъ выгодъ.

Въ 1530 году столь же безрезультатно былъ выполненъ другой походъ на Казань. Судовымъ отрядомъ снова начальствовалъ князь Бѣльскій, а конною ратью князь Михаилъ Глинскій.

Опрокидывая въ рядѣ столкновеній хана Сафа-

Гирея, конница переправилась черезъ Волгу, соединилась съ высадившеюся пѣхотой и 10 іюля городъ былъ осажденъ. Пользуясь плохимъ охраненіемъ татаръ, охотники передоваго полка князя Телепнева-Оболенскаго подползли ночью на 10 іюля къ стѣнѣ острога (внѣшняго города) и зажгли ее. Пользуясь этимъ, и пѣхота и конница русскія бросились на приступъ и овладѣли острогомъ, но города не взяли, хотя ворота крѣпости были цѣлыхъ три часа отворены и никѣмъ не заняты.

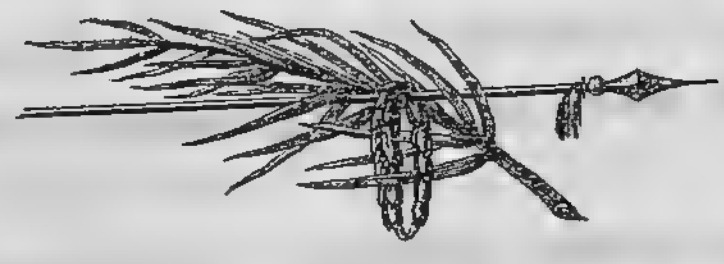
Говорятъ, въ это время Бѣльскій и Глинскій спорили о томъ, кому первому вступить въ городъ, между тѣмъ пошелъ дождь, ратники привезшіе къ стѣнамъ города нарядъ (пушки) разбѣжались и очнувшіеся казанцы овладѣли нарядомъ. Въ тылу русскихъ войскъ въ то же время черемисы атаковали гуляй-городъ (станъ), оставшійся беззащитнымъ, и овладѣли 70 пищалями затинными и значительными запасами.

Несмотря на это, казанцы вынуждены были просить мира, и снова Бѣльскій согласился и снялъ осаду.

Въ 1533 году скончался Василій III и великокняжескій престолъ перешелъ къ малолѣтнему сыну его Іоанну IV, первому вѣнчавшемуся впослѣдствіи царемъ Русскимъ, подъ именемъ Іоанна I.

При Іоаннѣ IV получила окончательное развитіе и прочно установилась та система устройства вооруженныхъ силъ Руси, зачатки которой положены были еще при Іоаннѣ III. Введеніе этой новой системы сильно повліяло на качества военной силы Руси,—слѣдовательно, и на ея военную дѣятельность,—а потому дальнѣйшая военная исторія Руси составляетъ какъ бы отдѣльную эпоху.

Вслѣдствіе этого, пріостановившись въ изложеніи военныхъ событій, перейдемъ теперь къ ознакомленію съ состояніемъ военнаго дѣла и искусства на Руси за время Монгольскаго ига и до перваго Русскаго царя, т.-е. за длинный 300-лѣтній періодъ.



ГЛАВА V.

Военное дѣло на Руси отъ перваго нашествія монголовъ до перваго царя Русскаго (1224—1533 года).

1. Порядки образованія вооруженныхъ силъ.

Мы видимъ, что въ разсматриваемый двухъ съ половиною вѣковой періодъ исторіи Руси первоначально, то-есть до половины XIV столѣтія, образованіе вооруженныхъ силъ сохраняло тѣ же формы, что и до нашествія монголовъ. Совершенно также, какъ и прежде, дружины князей составляли главную и лучшую часть ихъ силъ. Состояли дружины изъ вольныхъ людей, избиравшихъ службу у того или другаго князя совершенно по своему усмотрѣнію. Дружинники, мало еще связываемые земельными владѣніями, могли совершенно

свободно переходить отъ одного князя къ другому, и это право отъѣзда всегда оговаривалось въ договорахъ князей.

Со временемъ, однако, измѣнились порядки размѣщенія князей въ удѣлахъ; князья становятся какъ бы осѣдлѣе въ своихъ княжествахъ, осѣдлѣе становятся и дружины, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ рукахъ дружинниковъ сосредоточиваются все бо́льшія земельныя богатства. Вслѣдствіе этого въ договоры князей включались уже и условія, по которымъ бояре (старшіе дружинники) и въ случаѣ отъѣзда своего къ другому князю сохраняли свои недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ владѣній покидаемаго. Родъ Даніила Александровича, начиная съ Іоанна Калиты, прочно уже утверждается въ Москвѣ и удерживаетъ навсегда въ своей власти Суздальско-Владимірскія области. Могущество и богатства Московскихъ великихъ князей начинаютъ быстро возрастать, а вслѣдствіе этого для бояръ и вскихъ другихъ служилыхъ свободныхъ людей, разумѣется, было выгодно переходить къ нимъ. Этотъ приливъ отовсюду къ Москвѣ богатыхъ и знатныхъ бояръ, а также поступленіе на службу Московскихъ великихъ князей и цѣлаго ряда князей—потомковъ Рюрика и Гедимина, очевидно, существенно помогало усиленію Москвы, ослабляло удѣлы и ускоря-

ло присоединеніе ихъ къ болѣе сильному сосѣду. Такъ великій князь Василій Дмитріевичъ безпрепятственно овладѣлъ областями Нижегородскаго князя вслѣдствіе того, что дружина послѣдняго вся перешла на службу къ Василію.

Дружина сохраняла попрежнему свое раздѣленіе на старшую и младшую; но какъ сама дружина, такъ и составныя ея части становятся извѣстными уже подъ другими названіями. Съ XII вѣка названіе „дружина“ замѣнялось иногда *дворомъ княжескимъ*, а теперь оно окончательно вводится въ употребленіе.

Старшими членами „двора“ остаются попрежнему бояре, сохранившіе, помимо своего военнаго значенія, и званія придворныя и остающіеся ближайшими совѣтниками князя. Бояре въ свою очередь начинаютъ подраздѣляться на *большихъ*, *путныхъ* и *введенныхъ*, смотря по значенію занимаемаго ими мѣста.

Младшую дружину составляли *дворяне* и *дѣти боярскія*, а второй, низшій ея отдѣлъ—*слуги*, *слуги вольные* или *люди дворные*. Всѣ эти члены дружины, также какъ и бояре, были людьми свободными и имѣли право отъѣзда. Всѣ эти разряды служилыхъ людей составляли многочисленное и все возраставшее военное сословіе, обязанное являться на служ-

бу по требованію своихъ князей. Этому служилому сословію, главнѣйшую часть котораго составляли боярскія дѣти, велся городовыми воеводами особый учетъ. Они расписывались по десяткамъ, состоявшимъ изъ боярскихъ дѣтей цѣлаго города, и вносились въ особые десятинные списки.

Помимо дружины, въ составъ войска входили и *городовые полки*, набиравшіеся изъ горожанъ. Преимущественно же эти полки составлялись изъ московскихъ жителей и назывались московскою ратью. Іоаннъ III, напримѣръ, послалъ въ 1470 году въ Казанскій походъ московскихъ сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ москвичей, подъ начальствомъ особаго воеводы, князя Оболенскаго.

Кромѣ того, и въ разсматриваемую эпоху нерѣдко бывали случаи привлеченія къ несенію военной службы и сельскаго населенія. Въ грамотѣ Василія Темнаго Троице-Сергіевскому монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою (охранительною) службой. Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій тоже собралъ для войны съ Даніиломъ Галицкимъ многихъ *смердовъ*, составлявшихъ его пѣхоту. При осадѣ Смоленска сыномъ Іоанна III, Дмитріемъ, въ рядахъ московской рати были *посошные люди*, собранные съ *сохъ*.

О размѣрахъ, въ которыхъ иногда ложилась на

сельское населеніе тяжелая военная повинность, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ изъ исторіи Пскова: въ 1480 году для войны съ ливонцами было выставлено съ *четырехъ* сохъ, т.-е. 12 человѣкъ населенія, по коню и человѣку; въ 1495 году, по приказанію великаго князя, псковичи *срубили* (собрали) для войны со шведами съ *десяти* сохъ по конному ратнику; въ 1500 году—для Литовской войны брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей (вѣроятно дохода) коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли шли въ пѣшую рать. Повинность, очевидно, была громадная, по сравненію съ современными объ этомъ понятіями и требованіями.

Въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ, Псковѣ и Новгородѣ, набиравшіяся изъ сельскаго населенія войска носили свое особое названіе—*рубленой рати.*

Въ составѣ московской рати съ половины XV вѣка упоминаются также и казаки. Впервые это имя встрѣчается въ лѣтописяхъ, въ разсказѣ о набѣгѣ на Рязань въ 1444 году султана Мустафы. Первоначально упоминаются только Рязанскіе казаки, впослѣдствіи же, при Іоаннѣ III, казаки есть и Донскіе, и Днѣпровскіе. Послѣдніе, подъ начальствомъ Евстафія Дашковича, служили то Русскому великому князю, то переходили въ Литву.

Съ конца XIV столѣтія лѣтописи упоминаютъ еще объ особой *засѣчной стражѣ*, предназначенной для обороны *засѣкъ*, устраивавшихся на нашихъ границахъ. Это было поселенное въ пограничныхъ *станицахъ* войско, обязанное для охраненія границъ выставлять одного вооруженнаго человѣка съ 20 дворовъ.

Наконецъ, въ составъ русской рати часто входили наемные иноплеменные дружины и полки, въ особенности татарскіе, которые или приводились своими служилыми царевичами, или же набирались изъ татаръ, поселенныхъ въ Русскихъ, преимущественно юго-восточныхъ, областяхъ.

Какъ было уже указано выше, вступившій въ 1462 году на престолъ великій князь Іоаннъ III ввелъ новыя, весьма существенныя измѣненія въ порядкахъ образованія русскихъ вооруженныхъ силъ. Измѣненія эти прежде всего коснулись старшихъ членовъ бывшихъ дружинъ и теперешнихъ княжескихъ дворовъ, т.-е. бояръ, и заключались въ рядѣ мѣръ, принятыхъ съ цѣлью уничтоженія права ихъ *отъѣзда*. Для этого отъ бояръ стали требовать крестоцѣловальныхъ записей или клятвенныхъ обѣщаній не отъѣзжать ни къ кому другому, и сверхъ того составлялась такъ-называемая *поручная кабала*, по которой кто-либо изъ бояръ поручался въ служ-

бѣ другаго. Напримѣръ, въ 1474 году бояринъ Иванъ Никитичъ Воронцовъ поручился въ 250 рубляхъ за вѣрность князя Данилы Дмитріевича Холмскаго. Такія же грамоты и кабалы бралъ съ бояръ и Василій III. Сохранились таковыя грамоты, данныя князьями Шуйскими, княземъ Мстиславскимъ и княземъ Глинскимъ. Помимо поруки духовенства, требовалось денежное ручательство: за князя Глинскаго поручились, напримѣръ, трое вельможъ въ 5.000 руб., а за этихъ поручниковъ поручились еще 47 человѣкъ. Двойная же порука была и за Шуйскихъ.

Съ тою же цѣлью прикрѣпленія такъ-сказать прежнихъ свободныхъ ратныхъ людей Іоаннъ III сталъ раздавать земли и младшимъ чинамъ своего многочисленнаго двора—дѣтямъ боярскимъ. Овладѣвъ въ 1500 году въ Новгородѣ Великомъ обширными землями владыки и монастырей, Іоаннъ III впервые роздалъ ихъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья. Впослѣдствіи эта система получала все большее и большее развитіе и помѣстья раздавались повсемѣстно. Полученіе помѣстья обязывало владѣльца его нести военную службу и, въ случаѣ войны, являться въ назначенное мѣсто и въ опредѣленный срокъ. Въ зависимости отъ величины помѣстья, владѣльцы ихъ должны были кромѣ того приводить съ собою опредѣленное число конныхъ или

пѣшихъ ратниковъ. Всѣ должны были имѣть коней, опредѣленное вооруженіе, продовольствіе и средства для перевозки послѣдняго. Каждые два или три года служилые люди, боярскія дѣти, подвергались осмотру по областямъ, съ цѣлью полученія и провѣрки свѣдѣній, сколько каждый изъ нихъ можетъ выставить ратниковъ и лошадей. Приведенныя мѣропріятія Іоанна III имѣли благодѣтельное вліяніе на устройство нашихъ военныхъ силъ, но только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Благодаря этимъ мѣрамъ, числительность вооруженныхъ силъ значительно возросла и военное устройство Руси получило болѣе правильный и довольно точно опредѣленный видъ, а раздѣленіемъ войскъ на полки и разряды, съ распредѣленіемъ воеводъ и ратниковъ по этимъ полкамъ, введенъ былъ нѣкоторый порядокъ.

Но за то въ смыслѣ достоинствъ нашихъ войскъ, какъ боевой силы, эта помѣстная система имѣла, неоспоримо, чрезвычайно неблагопріятное вліяніе. Оно выразилось въ чувствительныхъ размѣрахъ уже въ позднѣйшее, правда, время, но и при ближайшихъ преемникахъ Іоанна III нѣкоторыя изъ невыгодъ системы не могли не чувствоваться. Замѣнившій прежняго вольнаго свободнаго дружинника новый владѣлецъ помѣстья, привязанный, понятно, къ нему всѣми своими интересами, не могъ ни въ какомъ

случаѣ обладать высокими боевыми качествами дружинника, ничего не знавшаго кромѣ ратнаго дѣла.

Изъ изложеннаго выше явствуетъ, что въ разсматриваемую эпоху и въ особенности въ концѣ ея составъ нашихъ вооруженныхъ силъ былъ весьма разнообразенъ, какъ по порядкамъ ихъ образованія, такъ и по своимъ свойствамъ. О числительности нашихъ войскъ можетъ, разумѣется, идти рѣчь только со времени образованія болѣе другихъ могущественнаго Московскаго княжества, вокругъ князя котораго стали въ необходимыхъ случаяхъ сосредоточиваться не только его собственныя силы, но и рати другихъ удѣловъ. Съ этого времени числительность войскъ все болѣе и болѣе возрастала и въ нѣкоторыхъ случаяхъ Русь выставляла уже весьма внушительныя силы. У Дмитрія Донскаго, напримѣръ, въ Куликовской битвѣ было отъ 150 до 200 тысячъ. Іоаннъ III, чтобы преградить хану Ахмату доступъ въ предѣлы Россіи, выставилъ сперва на Окѣ, а потомъ на р. Угрѣ до 180.000. Въ большинствѣ однако случаевъ числительность армій не превосходила 40.000, какъ напримѣръ въ Шелонской и Ведрошской битвахъ. Въ княженіе же великаго князя Василія общая числительность московскаго войска опредѣлялась одними иностранными писателями въ 150.000, а другими—даже до 400.000.

2. Роды войскъ, ихъ одежда, вооруженіе, знамена, музыка и знаки отличія.

Важнѣйшимъ и лучшимъ родомъ войскъ въ разсматриваемый періодъ исторіи была конница, въ которую входилъ весь княжескій дворъ, дворяне, боярскія дѣти и вообще наиболѣе состоятельные люди, притомъ всѣ они со своими слугами или холопами. Лучшіе конные полки по своему составу и, главное, по вооруженію носили названіе *кованой рати*. Въ пѣхоту, или, по-тогдашнему, въ судовую рать, назначались не имѣющіе коней, бобыли, и ее же преимущественно составляли набиравшіеся посошные люди или рубленыя рати. Первоначально пѣхота наряжалась почти исключительно въ городовую службу и для полковой службы, т. е. полевой, считалась мало пригодною, но уже при Дмитріи Донскомъ она принимаетъ участіе въ Куликовской битвѣ. Впослѣдствіи же пѣхота въ большемъ или меньшемъ количествѣ принимаетъ участіе во всѣхъ походахъ и при осадахъ городовъ играетъ выдающуюся роль.

Конница наша сидѣла на лошадяхъ разнообразнѣйшихъ породъ, извѣстныхъ подъ различными же названіями. Древнѣйшими названіями были: *конь*,

комонь, лошадь и фарь; послѣднее обозначало лошадь арабской породы. Съ XV столѣтія встрѣчаются: *мерины, бахматы* и *аргамаки*. Аргамаки — это были турецкія или польскія лошади, а бахматами назывались малорослыя, короткошейныя, но чрезвычайно крѣпкія и выносливыя лошади. Наиболѣе распространенною породой были *кони*, т. е. лошади ногайскія, неутомимыя и малотребовательныя, но они были дики, пугливы и неповоротливы.

Свои — русскія — лошади назывались *меринами*; онѣ были невелики, смирны и довольно крѣпки.

Сѣдла у русскихъ были очень высоки и всадники сидѣли по-татарски—на короткихъ стременахъ. Это представляло удобство свободнаго поворачиванія во всѣ стороны, необходимаго для стрѣльбы изъ лука, но за то сидѣли всадники не прочно. Шпоры или, какъ ихъ называли, *остроги* употреблялись рѣдко и большею частью ихъ замѣняли нагайки.

Также какъ и въ до-Монгольскій періодъ, сухимъ путемъ двигалась въ походахъ только конница, пѣхота же, въ большинствѣ случаевъ, выполняла передвиженія на судахъ, какъ, напримѣръ, во всѣхъ походахъ Казанскихъ. Столкновенія или сраженія давались однако исключительно на сухомъ пути и болѣе не встрѣчается извѣстій о случаяхъ боя на водѣ.

Одежда русскихъ войскъ остается неизмѣнною по сравненію съ предшествовавшими временами. Оставаясь народною, она и въ рядахъ войска представляла, разумѣется, массу разнообразія, такъ какъ всякій одѣвалъ себя самъ и по собственному вкусу и усмотрѣнію.

Бывали однако случаи, когда дружина какого-либо князя имѣла однообразное одѣяніе и иногда совсѣмъ не русское. Лѣтописи говорятъ, напримѣръ, что князь Даніилъ Галицкій, прійдя на помощь королю Венгерскому, имѣлъ свои полки обряженными по-татарски, кони въ личинахъ (бляхахъ) и коярахъ (конскихъ приборахъ) кожаныхъ и люди въ ярицѣхъ (нарукавникахъ). У самого же князя „бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ и сѣдло отъ злата жьжена и стрѣлы и сабли златомъ украшены и иными хитростьми. Кожухъ же оловира (пурпура) грецкаго и кружевы златыми плоскими ошиты и сапози зеленаго къза (козла) шиты золотомъ“.

Вооруженіе съ теченіемъ времени становилось, понятно, лучше, но за то сложнѣе, тяжелѣе и разнообразнѣе.

Предохранительное вооруженіе состояло изъ различныхъ видовъ броней или доспѣховъ, которые были *кольчатыми*, *досчатыми* или, наконецъ, смѣшанными. Къ первымъ принадлежали: *панцыри*,

Рис. № 14.

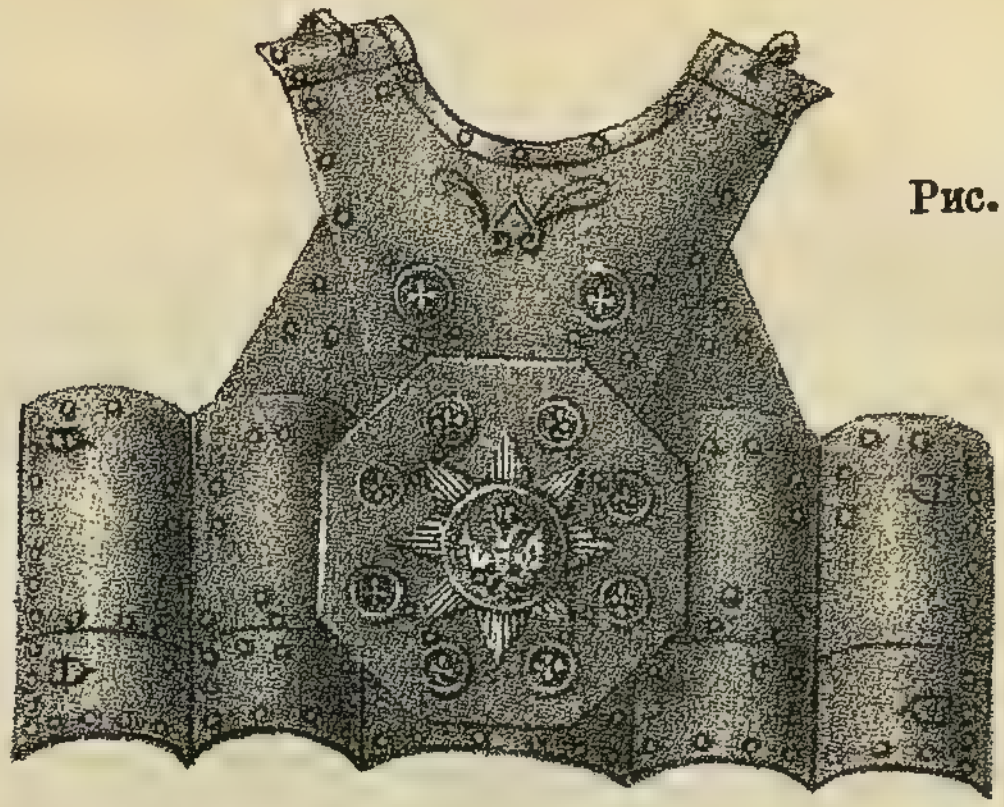


Рис. № 1.

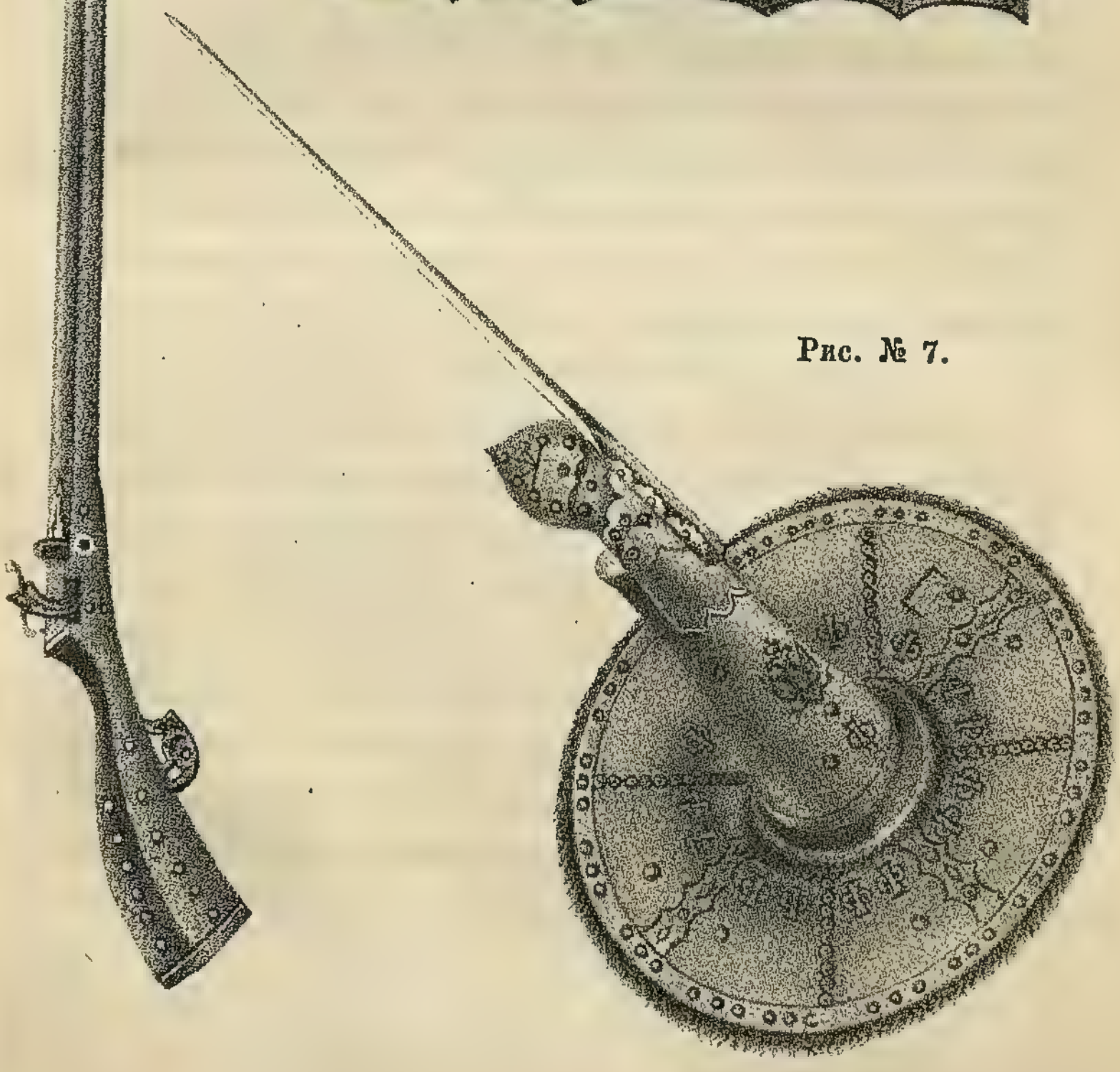


Рис. № 7.

кольчуги и *байданы*, ко вторымъ—*зерцала* (рис. № 1), *латы* и *кирисы* и, наконецъ, къ третьимъ, т. е. къ кольчатымъ, но съ досчатыми прибавленіями на груди и на спинѣ—*бахтерцы* (рис. № 2), *колонтари*, *юшманы*, *куяки*. Послѣдніе, т. е. куяки, имѣли металлическія дощечки, нашитыя на сукно, а не на кольчугѣ. Кромѣ того весьма часто употреблялся особый видъ доспѣха, называвшійся *тегиляемъ* (рис. № 3). Это было суконное платье съ короткими рукавами, съ высокимъ, стоячимъ воротникомъ, длиною ниже колѣнъ. Все оно было толсто подбито ватою или пенькою и, наконецъ, простегано. Въ такомъ видѣ тегиляй почти такъ же хорошо служилъ защитою, какъ и металлическій доспѣхъ, но стоилъ очень дешево, а потому и употреблялся ратниками, не имѣвшими средствъ пріобрѣсти доспѣхъ.

Принадлежностями доспѣховъ были также: *бармицы*, *заручавья*, *наколѣнки*, *наручи*, *рукавицы* и *поножи* или *бутурлыки*.

Всѣ эти части имѣли назначеніемъ прикрывать плечи, руки и ноги.

Головной уборъ составляли: *шеломы* (рис. № 2), *колпаки*, *шишаки*, *мисюрки* (рис. № 4), *шапки бумажныя* (рис. № 5), *шапки желѣзныя* (рис. № 13), *шапки мѣдяныя*, *ерихонки* и *шапки турскія*.

Къ оборонительному оружію принадлежали еще

плоскіе или выпуклые *щиты*, но уже не длинные, какъ у славянъ, но или многоугольные, или, въ большинствѣ случаевъ, круглые (рис. № 2). Дѣлались они изъ кожи, желѣза или изъ мѣди, украшались серебромъ, золотомъ и каменьями и внутреннюю сторону имѣли суконную, кумачную, атласную или бархатную и кругомъ нерѣдко обшивались бахромою.

Кромѣ того встрѣчался особаго рода щитъ съ желѣзною рукавицею, къ которой было прикрѣплено длинное остріе. Щитъ этотъ надѣвался на лѣвую руку и назывался *тарчъ* (рис. № 7).

Нападательное оружіе было главнымъ образомъ холодное, даже и по введеніи огнестрѣльнаго оружія. Ручное оружіе было уже значительно разнообразнѣе предшествующаго періода и его составляли: *ослопы*, *мечи* (рис. № 2), *сабли* (рис. № 3), *палаши*, *кончеры*, *тесаки*, *ножи*, *кинжалы*, *копья* (рис. № 2), *сулицы*, *рогатины* (рис. № 14), *совни* (рис. №№ 3 и 8), *кистени* (рис. № 9), *бердыши* (рис. № 6), *топоры*, *топорки*, *чеканы* (рис. № 10), *шестоперы*, *пернаты*, *булавы* и *посольскіе топоры*. Послѣднія пять были, собственно говоря, знаками начальническаго достоинства.

Вообще въ это время носили на себѣ ратные люди и въ особенности начальники массу всякаго

Рис. № 2.

оружія, въ сущности безполезно обременяющаго ихъ. Конный ратникъ, напримѣръ, иногда имѣлъ (рис. № 3) саблю, лукъ со стрѣлами, кистень и совню. Надо къ тому же принять во вниманіе, что онъ долженъ былъ держать и поводья, и нагайку. Несмотря на это, по свидѣтельству иностранцевъ, наша конница ловко справлялась со всѣми этими вещами.

Метательное оружіе состояло изъ луковъ со стрѣлами (саадаки) (рис. № 3), самострѣловъ для бросанія большихъ стрѣлъ (рис. № 11). Сюда же относятся и осадныя орудія, состоявшія изъ различныхъ машинъ для метанія камней, какъ-то: *тюфяки пускичи*, или *пушки*, *бараны*, *возграды* и *пороки*. Послѣднія три служили для разбиванія стѣнъ.

Огнестрѣльное оружіе впервые появилось на Руси въ 1389 году, т. е. еще при Дмитріи Донскомъ, когда, по словамъ лѣтописи, привезли „изъ Нѣмецкой земли арматы и стрѣльбу огненную и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти“.

Употребленіе огнестрѣльнаго оружія, въ особенности ручного, распространялось однако до Іоанна IV весьма медленно. Причиною этому было какъ несовершенство самаго оружія, такъ и трудность пріобрѣтенія его. Собственная выдѣлка огнестрѣльнаго оружія устанавливается на Руси только при

Іоаннѣ III, до тѣхъ же поръ оно привозилось изъ-за границы.

Прежде всего введены были въ употребленіе тяжелыя орудія, служившія на вооруженіе городскихъ укрѣпленій, и сравнительно уже позже принято было и ручное оружіе. При сынѣ Дмитрія Донского, Василіи I, стѣны Москвы были уже вооружены пушками и онѣ дѣйствовали при отраженіи Эдигея въ 1408 году. Извѣстны были какъ орудія, такъ и ручное оружіе подъ самыми разнообразными названіями, причемъ нерѣдко одно и то же имя давалось и тѣмъ и другимъ. Собственно наиболѣе употребительныя русскія названія огнестрѣльнаго оружія были *пускичи*, или *пушки*, и *пищали*. Сначала и то и другое обозначало орудія, но впослѣдствіи названіе *пищали* было присвоено уже исключительно ручному оружію.

Различныя по своему устройству и назначенію орудія носили названія: *пускичей*, *пушекъ*, *пищалей*, *гаковницъ*, *гафуницъ* или *дробовиковъ*, *можжиръ* или *верховыхъ пушекъ*, т. е. мортиръ. Пушками вообще назывались орудія, которыя имѣли каналъ безъ камеры. Гаковницы, гафуницы или дробовики были пушками съ коническою камерою внутри. Изъ нихъ стрѣляли каменьями, замѣнявшими теперешнюю картечь, впослѣдствіи же мелкими ядрами; такъ, при

Рис. № 3.

осадѣ въ 1514 году Смоленска, пушкарь Стефанъ, распоряжавшійся дѣйствіями артиллеріи (няряда), произвелъ второй выстрѣлъ „ядрами мелкими, окованными свинцомъ“.

Пищали (орудія) отличались отъ пищалей ручныхъ тѣмъ, что послѣднимъ присвоено было названіе *пищалей завѣсныхъ* (рис. № 14), потому что носились онѣ привѣшенными за спиною. Средне-калиберныя длинныя пищали (орудія) извѣстны были также подъ именемъ *змѣекъ*, а малокалиберныя, короткія назывались *волкомейками* и *соколками*. По своимъ размѣрамъ пищали бывали: *полуторныя* (т. е. $1^1/_2$-саженныя), *семипядныя* (четвертныя), *сороковыя* и *затинныя* *), малыя, иначе называемыя *изгаговницами*.

Относительно затинныхъ пищалей сохранились любопытныя описанія, по которымъ онѣ бывали и винтовальныя, т. е. нарѣзныя, въ ложахъ съ замками или безъ этого. Ставились онѣ на станкахъ или желѣзныхъ вилахъ; заряжали же ихъ съ казеннаго винта, вмѣсто котораго была желѣзная плитка съ чеками. Изъ приведеннаго описанія явствуетъ, что это были крѣпостныя ружья и что уже въ первой половинѣ XVI столѣтія было извѣстно

*) Затинъ значитъ зарядъ.

нарѣзное и притомъ съ казны заряжающееся огнестрѣльное оружіе.

Выше было уже указано, что выдѣлка огнестрѣльнаго оружія на Руси начинается только со времени Іоанна III, выписавшаго въ 1475 году изъ Венеціи зодчаго (архитектора) Аристотеля Фіоравенти, который первый научилъ лить орудія. Вѣрнѣе будетъ однако сказать въ этомъ случаѣ—„ковать орудія“, такъ какъ до XVII даже вѣка орудія были преимущественно *кованныя, желѣзныя.* Извѣстенъ былъ также, какъ литейщикъ, итальянецъ Павлинъ Дебосисъ, который въ 1488 году слилъ большую пушку. Съ этихъ поръ количество огнестрѣльнаго оружія начинаетъ быстро возрастать. Іоаннъ III уже значительно увеличилъ *нарядъ* или *снарядъ* (артилерію), и нарядъ составляетъ постоянную часть вооруженія городовъ, а при Василіи III артиллерія участвуетъ уже въ полевыхъ дѣйствіяхъ. Онъ въ первый разъ вывелъ въ поле нарядъ, когда выступилъ въ походъ, чтобы преградить путь Махмедъ-Гирею, при его вторичной попыткѣ вторгнуться въ предѣлы Руси. О количествѣ огнестрѣльнаго оружія въ русскихъ войскахъ въ концѣ разсматриваемаго періода можно судить по тому, что въ 1510 году псковитяне, въ выставленной ими подъ Смоленскомъ вспомогательной рати, имѣли тысячу *пищальниковъ*,

Рис. № 12.

Рис. № 11.

Рис. № 5.

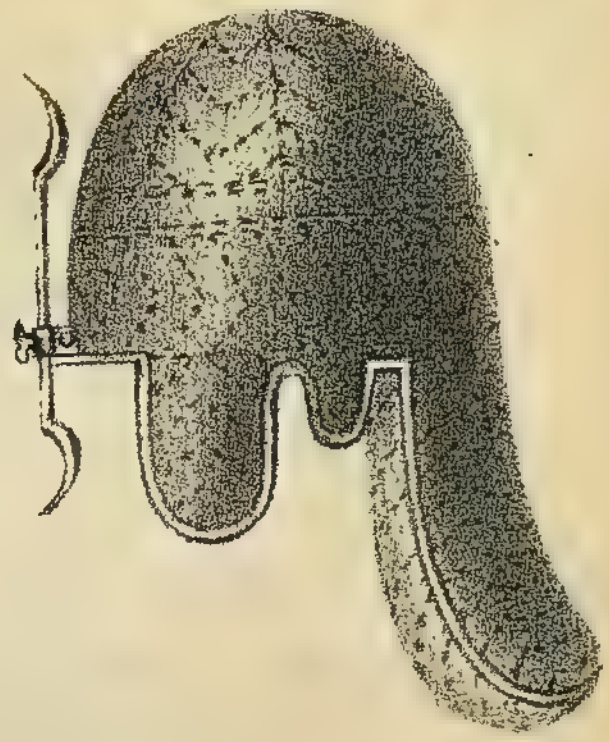


Рис. № 13.

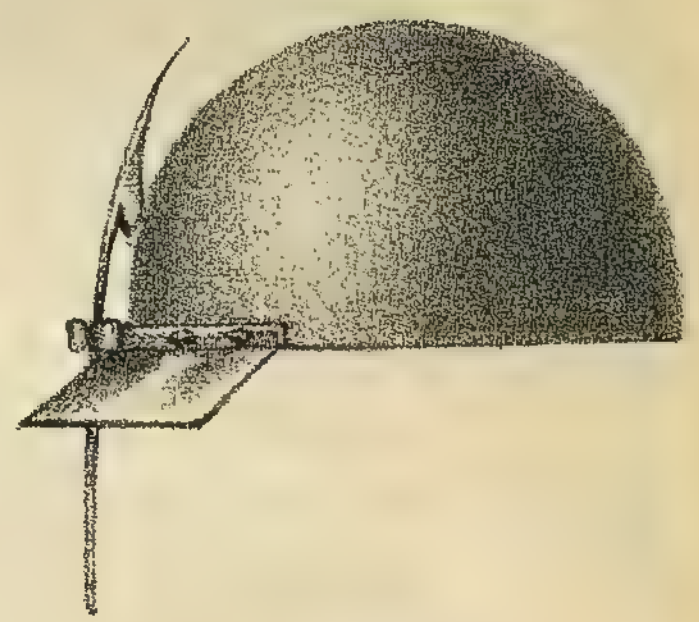
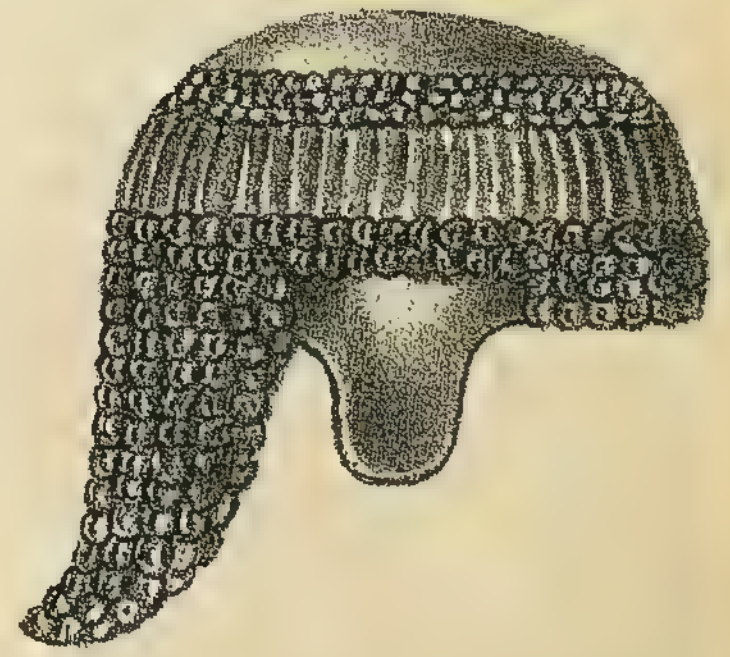


Рис. № 4.



а въ арміи преемника Іоанна, Василія III, осаждавшей въ 1530 году Казань, нарядъ былъ такъ уже великъ, что черемисы, овладѣвшіе русскимъ гуляй-городомъ, захватили въ немъ 70 затинныхъ пищалей.

Артиллерія, или нарядъ, хранилась въ складахъ въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ. Нарядомъ же называлась вся масса орудій, придававшаяся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ войску. Большимъ нарядомъ назывались осадныя орудія. Артиллеристы назывались *пушкарями*, порохъ—*зеліемъ*, артиллерійская батарея—*туромъ*. Орудія отличали другъ отъ друга не по ихъ калибрамъ, вѣсу или тяжести снаряда, а по фигурамъ, которыя на нихъ отливались: были, напримѣръ, *воинъ, соловей, обезьяна, двѣ дѣвки* и т. п. д.

Употреблявшіеся въ артиллеріи снаряды были преимущественно круглыя ядра, которыя бывали каменныя, желѣзныя и свинцовыя; стрѣляли также *дробомъ* (картечью). При описаніи осады Смоленска Василіемъ III въ 1514 году, лѣтописи говорятъ, что русская артиллерія „огненными ядра во градъ стрѣляла“. Интересно было бы выяснить вопросъ, были ли эти огненныя ядра бомбами, или же просто каленными ядрами.

Въ большинствѣ случаевъ *снарядъ* находился въ

вѣдѣніи иностранцевъ: такъ, въ Казанскомъ походѣ при Василіи III было три иностранныхъ пушкаря и изъ нихъ одинъ—итальянецъ Бартоломей—былъ любимцемъ великаго князя. При нашествіи Махмедъ-Гирея, въ Москвѣ былъ нѣмецкій пушкарь Никласъ, а въ Рязани—Іорданъ; вѣроятно, и вышеупомянутый пушкарь Стефанъ былъ также иностранецъ.

Древнѣйшая, уцѣлѣвшая до сихъ поръ, пушка—русскаго литья: это—двухфунтовая пищаль, отлитая, подъ наблюденіемъ Аристотеля, какимъ-то Яковомъ въ 1485 году, въ княженіе Іоанна III (рис. № 12).

Также какъ и въ до-Монгольскій періодъ, русскія войска каждой области или города имѣли свои собственные стяги, получившіе затѣмъ названіе знаменъ. Важнѣйшимъ знаменемъ было, разумѣется, великокняжеское, или *великій стягъ*, который обыкновенно ставился въ серединѣ боеваго порядка. У Дмитрія Донскаго въ Куликовской битвѣ знамя было черное атласное, съ изображеніемъ Нерукотвореннаго образа Спасителя. У Московскихъ великихъ князей на знаменахъ сначала изображался гербъ Московскаго великаго княжества, т.-е. Георгій Побѣдоносецъ, а впослѣдствіи, послѣ женитьбы Іоанна III на византійской принцессѣ Софіи Палеологъ, двуглавый орелъ.

Рис. № 14.

Рис. № 8.

Рис. № 9.

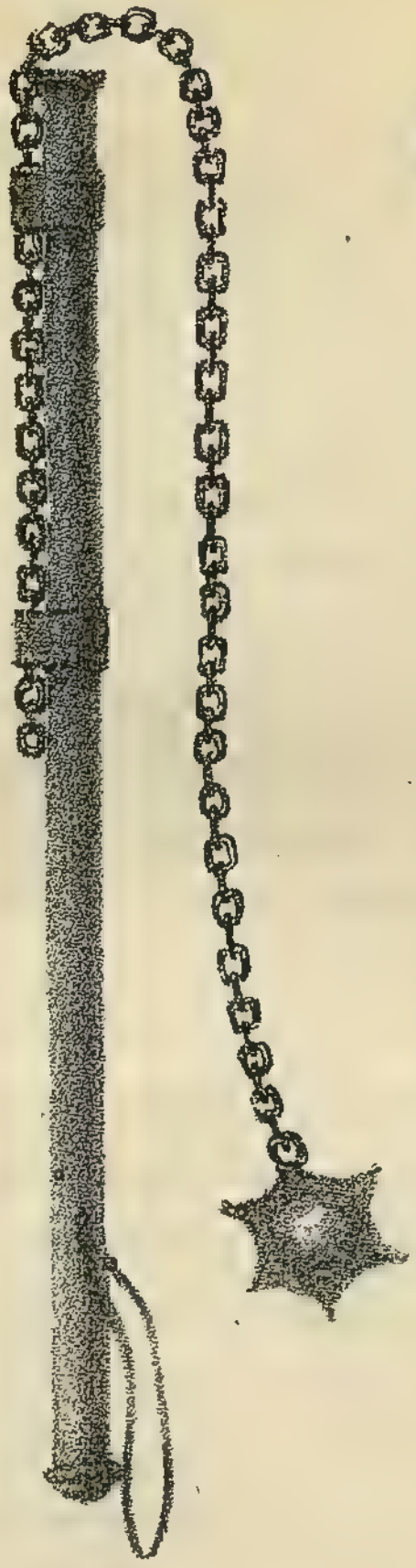


Рис. № 10.

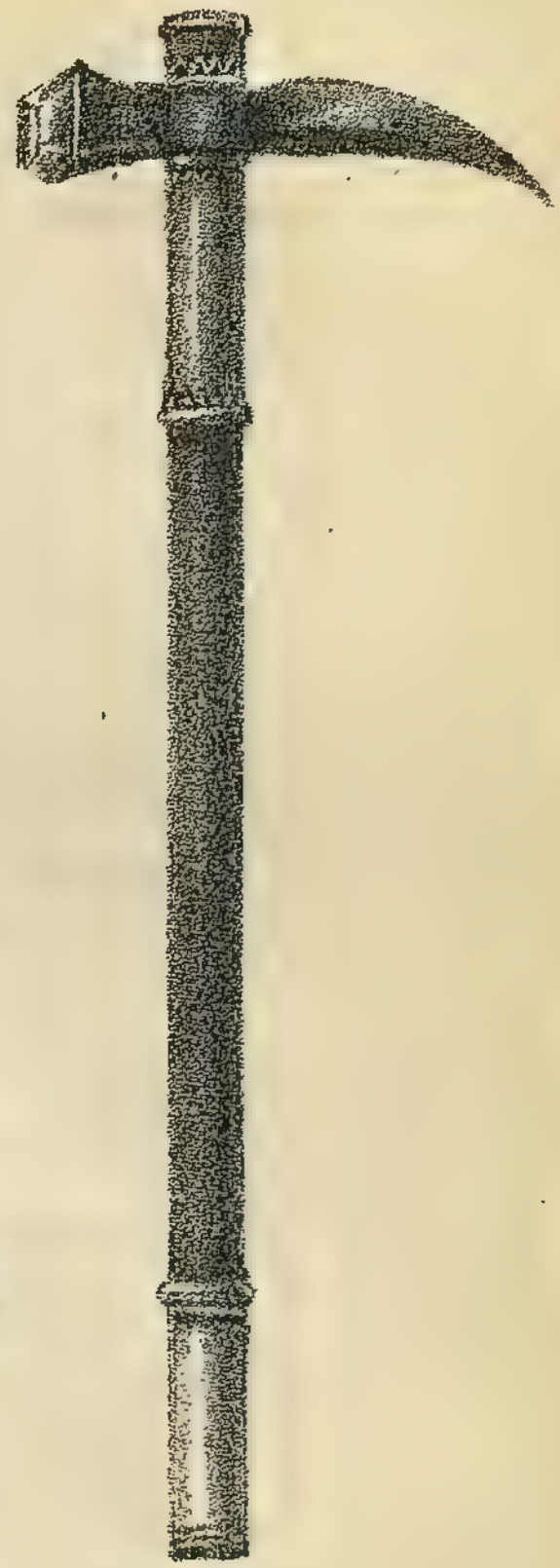


Рис. № 6.

Военную музыку составляли тѣ же инструменты, что и прежде, т.-е. трубы, рога, бубны, накры, сопели или дудки. Введены были еще громадные мѣдные барабаны, которые возились на 4 лошадяхъ за воеводами и назывались *набатами*. Били въ каждый набатъ 8 человѣкъ и посредствомъ его и другихъ инструментовъ воеводы управляли своими полками. Звуками инструментовъ обозначалось преимущественно начало боя, сигналомъ же для отступленія служилъ только одинъ бой въ набатъ. Вообще въ войскахъ было много музыкантовъ, производившихъ, когда это требовалось, концертъ далеко не изъ пріятныхъ.

Награды за службу состояли, какъ и прежде, въ раздачѣ знаковъ отличія, почетныхъ броней, доспѣховъ и одеждъ, въ пожалованіи помѣстьями и разнаго рода военными и придворными званіями. Къ числу прежнихъ знаковъ отличія съ XV столѣтія прибавляется еще *золотая деньга*, или просто *золотой*. Въ 1469 году великій князь Іоаннъ III наградилъ устюжанъ за войну противъ Казани—дважды по *золотой деньгѣ*. Василій III въ 1514 году жаловалъ по случаю взятія Смоленска также и *золотыя деньги*. Смотря по мѣсту чекана, эти золотые назывались: *московками*, *новгородками*, *золотыми угорскми* (венгерскими), *португальскими* и т. д. Деньги

были или золотыя, или золоченыя, и разныхъ величинъ. Знатнымъ людямъ раздавались деньги съ изображеніемъ лица государева, а другимъ—Св. Георгія. Золотые раздавались иногда какъ память, для храненія, а иногда—какъ знакъ отличія, для ношенія на рукавѣ, шапкѣ или груди. Въ послѣднемъ случаѣ они замѣняли древнія гривны, имя которыхъ не встрѣчается болѣе. Наиболѣе же почетною наградою было пожалованіе *золотою цѣпью*. Лица, получавшія эти награды, назывались *златоносцами*.

3. Боевые порядки и образъ дѣйствій въ бою.

Боевые порядки въ разсматриваемое время сначала представляли то же, что выработалось въ до-Монгольскій періодъ.

Также какъ и прежде, центръ составлялъ большой полкъ и при немъ находился великій князь и его знамена; по обѣ стороны большаго полка становились полки правой и лѣвой руки, а впередъ выдвигался передовой полкъ. Это былъ такъ-сказать общій типъ русскаго боеваго порядка, отъ котораго дѣлались, разумѣется, болѣе или менѣе существенныя отступленія, смотря по обстановкѣ отдѣльныхъ боевыхъ столкновеній. Перечисленныя

части боеваго порядка (полки) строились каждый въ сплошной и, притомъ, глубокій строй, но самъ порядокъ никогда не былъ сплошнымъ,—это былъ порядокъ разчлененный. Обстоятельство это представляетъ существенный интересъ, такъ какъ, благодаря отдѣльному расположенію и соотвѣтственно этому организованному командованію, нашъ боевой порядокъ обладалъ въ извѣстныхъ предѣлахъ гибкостью, и его сила сопротивленія, разумѣется, возрастала. Независимое другъ отъ друга, въ извѣстныхъ предѣлахъ, расположеніе полковъ приводило къ тому, что пораженіе или разстройство одного изъ нихъ отражалось на другихъ въ сравнительно болѣе слабой степени. Въ рукахъ искуснаго начальника этотъ боевой порядокъ представлялъ возможность, даже при отсутствіи резерва, возстановлять бой и даже одерживать побѣду въ такихъ случаяхъ, когда пораженіе казалось уже неизбѣжнымъ. Такъ именно поступилъ Александръ Невскій въ знаменитомъ Ледовомъ побоищѣ, когда желѣзный полкъ нѣмцевъ (или ихъ великая свинья) опрокинулъ нашъ центръ, но вслѣдъ затѣмъ самъ былъ атакованъ съ фланговъ и въ тылъ нашими крыльями и совершенно разбитъ.

Такой боевой порядокъ являлся тѣмъ болѣе соотвѣтствующимъ тогдашнимъ условіямъ, что пре-

обладающимъ родомъ оружія была конница, требующая, понятно, такого построенія, которое возможно менѣе стѣсняло бы ея движенія. Вѣроятно, именно въ видахъ болѣе полнаго развитія указанныхъ свойствъ, фланговые полки иногда еще разчленялись. Въ сраженіи, напримѣръ, на рѣкѣ Кеголѣ, 18 февраля 1268 года, новгородцы построились имѣя въ полку лѣвой руки сына великаго князя Михаила съ тверитянами, въ центрѣ—противъ великой свиньи нѣмцевъ — новгородцевъ, въ полку правой руки—псковичей; князь же Дмитрій Александровичъ съ переяславцами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ *стали по правую же руку и повыше.*

Приведенный типичный боевой порядокъ былъ притомъ чисто-русскимъ, и ни въ какомъ случаѣ нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто все было въ этомъ отношеніи заимствовано у монголовъ. Правда, сходство есть—и значительное—между нашими и монгольскими боевыми порядками, но на Руси войска строились, какъ это указано въ первомъ выпускѣ настоящаго очерка, для боя подобно приведенному тогда, когда Монгольскаго или Чингизъ-ханова царства еще и не существовало.

Со временемъ въ боевыхъ порядкахъ русскихъ войскъ можно прослѣдить введеніе болѣе или менѣе

существенныхъ прибавленій, указывающихъ на возникновеніе идеи о резервѣ. Въ Куликовской битвѣ, напримѣръ, видимъ расположеніе за большимъ полкомъ, какъ бы въ частномъ резервѣ, полка Дмитрія Ольгердовича, прекрасно выполнившаго свою задачу прикрывъ флангъ большаго полка, угрожаемаго татарами, уже опрокинувшими полкъ лѣвой руки. Та же въ сущности идея резерва, только уже общаго, видна и въ *западныхъ полкахъ*, или засадахъ, все чаще и чаще встрѣчающихся въ описаніяхъ сраженій. Какъ указано было выше, засадный полкъ князя Владиміра Андреевича рѣшилъ Куликовскую битву въ пользу русскихъ. Въ 1375 году новгородскіе ушкуйники въ числѣ всего 2.000 человѣкъ, подъ начальствомъ Прокопа, при помощи засады, разбиваютъ подъ Костромою воеводу Плещеева, вышедшаго имъ на встрѣчу съ 5.000 человѣкъ. Знаменитая Ведрошская побѣда 14 іюля 1500 года была также одержана благодаря засадѣ же.

Чрезвычайный интересъ представляютъ слова лѣтописи, описывающія сраженіе 8 сентября 1514 года на берегахъ рѣки Днѣпра, у города Орши. Здѣсь воевода Челяднинъ, какъ мы видѣли, строитъ свои главныя силы въ *три линіи*, а для дѣйствій во фланги и въ тылъ непріятеля выдѣляетъ въ обѣ стороны сильные кавалерійскіе отряды. Къ со-

жалѣнію, лѣтописи этимъ краткимъ очеркомъ и ограничиваются, такъ что трудно съ достовѣрностью опредѣлить, что это былъ за трехлинейный порядокъ. Такой порядокъ упоминается къ тому же въ лѣтописяхъ всего только въ одномъ указанномъ случаѣ, но есть основанія предполагать, что это былъ случай совсѣмъ не исключительный, иначе лѣтописи отмѣтили бы особенность принятаго построенія, какъ онѣ это дѣлаютъ въ другихъ случаяхъ. Въ исторіи, напримѣръ, войны Василія Васильевича Темнаго съ Василіемъ Косымъ, описывая Скорятинскую битву въ 1436 году, Псковская лѣтопись говоритъ, что находившійся въ войскахъ Василія Темнаго литовскій выходецъ князь Иванъ Баба-Друцкой „изрядилъ свой полкъ съ копьями по-литовски“, и этотъ порядокъ выдѣляется такимъ образомъ изъ порядковъ, принятыхъ другими полками.

Самый ходъ сраженій или боевъ почти ничѣмъ не отличался отъ предшествующихъ временъ. Также какъ и прежде, зачастую, сошедшіяся войска противныхъ сторонъ не сразу рѣшаются вступить въ бой, а стоятъ другъ противъ друга иногда довольно долго. Сохранился тоже старый обычай браниться передъ битвою; передъ Шелонскою даже битвою, въ 1471 году, по словамъ лѣтописи, „Новгородцы по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и

гордящеся, и словеса хульные износяще на воеводъ великаго князя, еще же окаянніи и на самого государя великаго князя словеса нѣкая хулная глаголаху, яко пси лаяху“.

Построивъ боевой порядокъ, князья объѣзжали обыкновенно ряды своихъ войскъ и говорили имъ рѣчи. Въ ряду такихъ рѣчей нельзя не отмѣтить сказанную Дмитріемъ Донскимъ передъ Куликовскою битвой. Самый бой начинался часто предварительнымъ единоборствомъ выдающихся витязей, послѣ чего уже завязывался общій бой, подъ звуки трубъ, роговъ, бубновъ и тому под. Князья первые, во главѣ своихъ передовыхъ войскъ, бросались на непріятеля и тѣмъ подавали личный примѣръ. Дмитрій Донской поступилъ точно такъ же въ Куликовской битвѣ, гдѣ онъ въ формѣ простаго ратника сталъ въ передовомъ полку. На всѣ упрашиванія князей и бояръ удалиться въ мѣсто болѣе безопасное онъ отвѣчалъ: „братія моя милая, добрыя ваши рѣчи и похвалы достойныя. Но если я—вашъ глава, то впереди васъ хочу и битву начать. Умру или живъ буду—вмѣстѣ съ вами“. Впослѣдствіи однако обычай этотъ, повидимому, вывелся, по крайней мѣрѣ лѣтописи не даютъ уже точныхъ указаній относительно личнаго участія въ бою такихъ великихъ князей, какъ Іоаннъ III и Василій III. Послѣдній

прибѣгалъ однако и къ другимъ средствамъ для воодушевленія своихъ войскъ: такъ, передъ штурмомъ Смоленска въ 1512 году онъ приказалъ напоить пищальниковъ.

Бой былъ исключительно рукопашный, даже и по введеніи огнестрѣльнаго оружія. Крайнее несовершенство послѣдняго вынуждало употреблять его въ теченіе довольно-таки продолжительнаго времени въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, да и то на укрѣпленіяхъ городовъ. Въ полевомъ сраженіи артилерія впервые появилась уже при Василіи III, т.-е. сто лѣтъ спустя послѣ его появленія въ нашихъ войскахъ. Ручное огнестрѣльное оружіе также распространялось медленно, тѣмъ болѣе, что главнымъ родомъ оружія была конница и ея атака была главнымъ дѣйствіемъ въ бою. Дѣйствія пѣхоты были обыкновенно второстепенными. Лѣтописи приводятъ однако нѣкоторые случаи, въ которыхъ пѣхота являлась рѣшающею въ бою дѣло частью войскъ. Такъ въ войнѣ Ростислава Михайловича Черниговскаго съ Даніиломъ Галицкимъ смерды, составлявшіе у Ростислава пѣхоту, дали ему побѣду; но когда, вслѣдъ затѣмъ, въ ярославскомъ сраженіи онъ оставилъ пѣхоту у города и вступилъ въ бой съ одною конницей, то былъ побѣжденъ Даніиломъ, имѣвшимъ и конницу, и пѣхоту.

Атака конницы отличалась силою и стремительностью, но, не одержавъ успѣха, она чрезвычайно же быстро уходила назадъ съ тѣмъ, чтобы, устроившись, снова атаковать.

Въ зависимости отъ вооруженія, войска дѣлились на тяжелыя и легкія, и, также какъ и прежде, первыя дѣйствовали въ сплошныхъ строяхъ холоднымъ оружіемъ, а вторые—въ разсыпанныхъ—стрѣльбою изъ луковъ. Первое столкновеніе массъ происходило на копьяхъ, которыя были разной длины, такъ что задній рядъ клалъ свои копья на плечи передняго, у котораго копья были короче.

Качества русскаго ратника остаются неизмѣнными въ своихъ основаніяхъ: такъ, по свидѣтельству иностранныхъ писателей, русскіе воины охочи до боя и стремительны въ ударѣ. Неоцѣненныя качества русскаго солдата настоящаго времени отмѣчаются писателями и въ ратникахъ тяжелаго времени монгольскаго ига. Герберштейнъ, напримѣръ, свидѣтельствуетъ поразительную выносливость и способность довольствоваться малымъ въ войскахъ Василія III. Онъ съ удивленіемъ говоритъ, напримѣръ, о томъ, какъ мало нужно московскому ратнику въ походѣ. По его словамъ, кто имѣетъ шесть или даже болѣе лошадей, на одной умѣщаетъ всѣ жизненные припасы, состоящіе въ небольшомъ количествѣ то-

локна, ветчины и соли; у богатыхъ къ этому прибавлялся перецъ. Этою пищей довольствовался и господинъ и слуги, причемъ послѣдніе иногда по два или по три дня остаются безъ пищи.

Сохранили также русскія войска свою прежнюю слабость къ непріятельскимъ обозамъ и станамъ, грабить которые они зачастую бросались, несмотря на всѣ усилія удержать ихъ отъ этого, иногда даже и начинали съ этого дѣло, чѣмъ не могли не пользоваться наши враги. Въ одномъ, напримѣръ, изъ походовъ противъ ливонцевъ „погнались воеводы московскіе и псковичи, и нагнали нѣмцевъ въ Очеровахъ на Могильникѣ; нѣмцы обозъ (кошъ) свой поставили поодаль отъ себя и сказали: „Когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ Псковской земли (т.-е. будемъ спасены); если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы“. Псковичи первые ударили на кошъ, за ними москвичи, и начали между собой драться за нѣмецкое добро; чудь, находившуюся при обозѣ, всю перерубили; нѣмцы въ это время напали на москвичей и псковичей и была съ ними сѣча“.

Въ случаѣ побѣды, преслѣдованіе разбитаго противника возлагалось обыкновенно на передовой полкъ, главныя же силы оставались на полѣ сраженія, какъ и прежде—*на костяхъ*.

Походы русскихъ войскъ до послѣднихъ дней изслѣдуемаго періода, т.-е. до Іоанна Грознаго, выполнялись и сухимъ путемъ, и водою—рѣками. По-видимому, состояніе путей сообщенія было не лучше временъ Владиміра I и Ярослава, а потому пѣхота, при малѣйшей къ тому возможности, выполняла свои передвиженія на судахъ и сохраняла названіе судовой рати. Сухимъ путемъ двигалась одна кавалерія; такимъ именно образомъ двинуты были войска новгородцевъ противъ Іоанна III и такимъ же порядкомъ выполнялись всѣ походы Іоанна III и Василія III противъ Казани.

Походныя сухопутныя движенія выполнялись при всѣхъ необходимыхъ мѣрахъ охраненія. Впередъ высылался передовой или сторожевой полкъ, отъ котораго выдвигались и впередъ и въ стороны *сторожи*, на обязанности которыхъ было и охраненіе, и развѣдываніе о непріятелѣ, и *добываніе языка*, т.-е. захватъ плѣнныхъ для опроса. Вообще походы выполнялись болѣе осторожно и съ болѣе широкимъ развитіемъ мѣръ охраненія, которымъ, очевидно, придавалось уже важное значеніе. Примѣромъ въ этомъ случаѣ могутъ служить разсказанныя выше мѣры, принятыя Дмитріемъ Донскимъ при выступленіи его на встрѣчу Мамаю.

Двигающіяся за передовымъ полкомъ главныя силы

и въ походѣ, въ большинствѣ случаевъ, сохраняли свое дѣленіе на полки: большой, правой и лѣвой руки, къ которымъ придавался еще затыльный, т.-е. арріергардъ. Впослѣдствіи, уже въ княженіе Василія III, къ этимъ основнымъ частямъ походнаго порядка прибавился еще *ертаулъ* или *яртаулъ*, который, собственно говоря, составлялъ летучій конный отрядъ, двигавшійся впереди сторожеваго или передоваго полка. Слѣдовательно ертаулъ представлялъ дальнѣйшее развитіе мѣръ охраненія, которыя, очевидно, должны были сильно выигрывать въ виду значительности состава и самостоятельности ертаула.

На отдыхъ войска̀ располагались станами (лагерями), въ которыхъ начальствующіе и болѣе богатые разбивали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и покрывали ихъ войлоками. Лагери обыкновенно ничѣмъ не укрѣплялись, но выбирались для нихъ преимущественно мѣста труднодоступныя.

Начальствованіе войсками было въ разсматриваемую эпоху столь же мало опредѣленнымъ, какъ и прежде, да къ тому же и очень запутаннымъ. Низшіе начальники назначались соотвѣтственно существовавшимъ подраздѣленіямъ войскъ, т.-е. были *десятники*, *сотники* и *тысяцкіе*. Тысяцкіе были обыкновен-

но главными воеводами и, въ большинствѣ случаевъ, эта должность была наслѣдственною въ извѣстномъ боярскомъ родѣ. Въ Москвѣ, напримѣръ, до Дмитрія Донскаго тысяцкіе назначались изъ рода Вельяминовыхъ и послѣднимъ тысяцкимъ былъ Василій Васильевичъ Вельяминовъ, послѣ котораго Дмитрій никого не назначалъ на эту должность и она болѣе не встрѣчается въ исторіи.

По праву главное начальствованіе войсками принадлежало великому князю и удѣльнымъ князьямъ, которые вначалѣ распоряжались своими силами вполнѣ самостоятельно, даже въ присутствіи великаго князя. Начиная съ Дмитрія Донскаго за Московскими великими князьями какъ бы утверждается право общаго предводительствованія войсками.

Послѣ князей высшими начальниками были *воеводы*, имѣвшіеся во всякомъ удѣльномъ княжествѣ и даже городахъ. Всякій городъ, всякая область и всякое удѣльное княжество высылали свою рать подъ начальствомъ своихъ собственныхъ воеводъ. Впослѣдствіи уже, по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ и возрастанія могущества Москвы, преобладающее значеніе получаютъ московскіе воеводы, изъ среды которыхъ вообще назначаются начальствующія лица. Воеводы были *осадные* и *полковые*. Осадные начальствовали въ городахъ, а полковые—войсками дѣйствующими въ

полѣ. Полковые воеводы назначались и носили названія соотвѣтственно боевымъ подраздѣленіямъ войскъ, т.-е. были особые воеводы: сторожеваго, передоваго, большаго, а иногда и засаднаго полковъ, также полковъ правой и лѣвой руки. Въ каждый изъ этихъ полковъ назначался, къ тому же, не одинъ воевода, а нѣсколько, изъ числа которыхъ одинъ былъ главнымъ, а остальные состояли, по тогдашнему выраженію, „*подъ нимъ*“. Къ сожалѣнію, лѣтописи не даютъ матеріаловъ, чтобы можно было составить себѣ ясное понятіе о распредѣленіи командованія между всѣми этими воеводами и объ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу. Вѣроятно, послѣдній весьма важный вопросъ опредѣлялся существовавшими въ то время установленіями далеко не опредѣленно, вслѣдствіе чего отсутствіе единства въ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ составляло самое обыкновенное явленіе. Казанскій походъ 1469 г. кончился неудачею благодаря несогласіямъ воеводъ, которые „нелюбье держали между собою, другъ подъ другомъ идти не хотѣли“. Оршинскимъ пораженіемъ въ 1514 г. русскія войска обязаны независимости другъ отъ друга и несогласіямъ воеводъ Челяднина и Голицы. Въ 1530 году русскія войска, овладѣвъ уже острогомъ (внѣшнимъ городомъ) Казани, не взяли беззащитнаго, на нѣкоторое время, кремля благодаря тому, что

князья Бѣльскій и Глинскій занялись споромъ о томъ кому первому въѣхать въ городъ. Вообще къ концу изслѣдуемаго времени нашей исторіи довольно часто встрѣчаются уже свѣдѣнія и о мѣстничествѣ, чрезвычайно вредно вліявшемъ на ходъ военныхъ дѣйствій.

За весь разсматриваемый періодъ войска не получали ни жалованья, ни продовольствія и обязанность прокармливать себя лежала на самихъ войскахъ. Необходимость каждому имѣть при себѣ, смотря по состоянію, болѣе или менѣе значительные запасы продовольствія влекла за собою то, что обозы при войскахъ были громадны. Запасы перевозились на вьючныхъ лошадяхъ, на подводахъ или водою, на судахъ, но во всякомъ случаѣ все это чрезвычайно стѣсняло войска. Случаи недостатка въ продовольствіи были, разумѣется, не только неизбѣжны, но и весьма часты, и приходилось тогда прибѣгать къ собиранію въ странѣ всего необходимаго. Въ 1477 году, напримѣръ, находясь подъ Новгородомъ, Іоаннъ III велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами, съ тѣмъ чтобы черезъ десять дней всѣ были снова въ сборѣ. Понятно, что грабежи и разореніе страны и жителей были при этомъ неизбѣжны и противъ этого старались принимать мѣры. Сохранилась грамота Іоанна III, которою запрещалось полкамъ, идущимъ въ походъ, останав-

ливаться брать кормы, подводы и проводниковъ по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю.

4. Города, крѣпости, атака и оборона ихъ.

Внѣшній видъ русскихъ городовъ почти ничѣмъ не отличался отъ таковаго же въ прежде описанное время. Городъ попрежнему состоялъ изъ *днешняго* (внутренняго), иначе *дѣтинца*, или *кремля*, и внѣшняго—*кромнаго* города или *острога*. Въ большинствѣ случаевъ каждая изъ этихъ частей обносилась стѣнами съ башнями и рвами. Прежнія деревянныя стѣны стали постепенно замѣняться въ главнѣйшихъ городахъ каменными, которыя построены были прежде всего въ Новгородѣ. Хотя новгородцы постепенно и расширяли укрѣпленія своего города, но, тѣмъ не менѣе, даже въ началѣ XV вѣка, по словамъ иностранца Ланнуа, онъ былъ плохо укрѣпленъ. Гораздо лучше былъ укрѣпленъ Псковъ, положеніе котораго было несравненно опаснѣе со стороны Литвы и Ливоніи. Въ самомъ Псковѣ въ теченіе длиннаго ряда годовъ были выполнены весьма значительныя работы по его укрѣпленію. О томъ, какимъ образомъ производились эти постройки и во что онѣ обходились, можно судить по слѣдующимъ

примѣрамъ: въ 1465 году начали въ Псковѣ строить новыя укрѣпленія въ кромномъ городѣ, для чего наняли 80 мастеровъ, которые строили ихъ три года и получили за это 175 рублей *).

Для огражденія своихъ владѣній отъ ливонцевъ псковичи заложили въ 1462 году городъ Володимерецъ и надъ великимъ озеромъ—Новый Городецъ, который былъ построенъ за 90 рублей. Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ областяхъ было еще нѣсколько другихъ городовъ съ каменными стѣнами, какъ-то: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій Городъ, Порховъ, Изборскъ и Гдовъ.

Москва получила каменныя укрѣпленія гораздо позже Новгорода и Пскова, а именно въ 1367 году, уже при Дмитріи Донскомъ. Въ Нижнемъ Новгородѣ каменныя стѣны поставлены въ 1372 году, а первыя достовѣрныя свѣдѣнія объ укрѣпленіи Твери относятся къ 1368 году, когда тутъ срубили деревянную крѣпость и глиною помазали. Около того же времени князь Владиміръ Андреевичъ построилъ въ Серпуховѣ крѣпость дубовую; укрѣплены были также Владиміръ и Великія Луки.

---

*) Древній рубль—это былъ кусочекъ серебра длиною въ полтора вершка и толщиною въ палецъ, вѣсомъ отъ 22 до 24 золотниковъ, т.-е. около $^1/_4$ фунта. Въ первый разъ рубль упоминается въ лѣтописяхъ подъ 1322 годомъ.

Помимо укрѣпленія городовъ внутри Руси и постройки таковыхъ же на границахъ, къ этому времени относится и устройство особыхъ укрѣпленныхъ линій, назначеніемъ которыхъ было прикрывать наши границы отъ татаръ, а позже—и отъ казаковъ. Эти укрѣпленныя линіи состояли изъ засѣкъ въ мѣстахъ лѣсистыхъ и земляныхъ валовъ со рвами—на мѣстахъ открытыхъ. На протяженіи засѣкъ или валовъ, въ важнѣйшихъ и удобныхъ для обороны пунктахъ, строились *острожки* или *городки*, укрѣпленные валомъ съ тыномъ и рвомъ, а для проѣзда устраивались заставы. Такого рода укрѣпленная линія была устроена на пространствѣ отъ Оки до Дона и Волги и оборонялась она, упоминавшеюся выше, *засѣчною стражею*. Въ прилегавшихъ къ укрѣпленной линіи мѣстностяхъ устраивались *станицы*, заселявшіяся какъ стражею, такъ и городовыми казаками и наемными татарами.

Въ самомъ началѣ описываемаго времени средства атаки и обороны городовъ отличаются отъ прежняго только болѣе широкимъ примѣненіемъ къ дѣлу стѣнобитныхъ и камнеметательныхъ машинъ. Въ различныхъ описаніяхъ осадъ лѣтописи уже постоянно упоминаютъ о *по́рокахъ*, *таранахъ*, *турахъ*, *тюфякахъ*, *пускичахъ*, *баранахъ*, *возградахъ* и *быкахъ*. При осадѣ Чернигова Даніиломъ Романови-

чемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ четыремъ мущинамъ сильнымъ. Ростиславъ Мстиславовичъ Черниговскій употреблялъ *пóроки* или *проки* при осадѣ Ярослава Галицкаго, а новгородцы, собираясь въ походъ подъ Раковоръ, пріискали мастеровъ, которые стали чинить пóроки на владычнемъ дворѣ.

По приближеніи къ крѣпости, осаждающіе прежде всего выжигали посадъ и всѣ прилегающія къ городу строенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ однако это дѣлали сами осажденные, приготовляясь къ осадѣ, осаждающіе же обратно принимали мѣры, чтобы не допустить выжечь окрестности. Такъ въ походѣ на Новгородъ въ 1477 году Іоаннъ III, находясь отъ него еще въ 120 верстахъ, выслалъ къ Новгороду войска, съ приказаніемъ занять Городище и подгородные монастыри, чтобы новгородцы не сожгли ихъ.

Также какъ и прежде, крѣпость или городъ окружали рвами съ насыпями и тыномъ, совершенно отрѣзывая его такимъ образомъ отъ окрестностей. Войска осаждающаго располагались за этою укрѣпленною линіей въ укрѣпленныхъ же станахъ. Къ крѣпости осаждающіе приближались по возможно-

сти съ нѣсколькихъ сторонъ, прикрываясь и мѣстностью, и всякаго рода приспособленіями, для этой цѣли придуманными. Большею частью впереди, особые рабочіе катили большіе туры, ставили и насыпали ихъ землей, а за ними уже располагали осадныя орудія. Какъ прикрытія, упоминаются также лѣтописями: особыя передвижныя *башни*, рубленые *тарасы* или срубы и какіе-то *городы*, которые, вѣроятно, были подвижными стѣнами; они привозились войсками съ собой. Лѣтописи упоминаютъ въ одномъ случаѣ весьма оригинальный способъ прикрытія, употребленный впрочемъ не русскими войсками, а именно: при осадѣ Устюга, въ 1446 году, татары шли на приступъ, имѣя на головахъ своихъ лодки (насады). Со временъ Василія III, а именно при осадѣ имъ въ 1530 году Казани, встрѣчаются особыя сооруженія, называвшіяся *гуляемъ* или *гуляй-городомъ*. Это было нѣчто въ родѣ подвижнаго укрѣпленнаго лагеря, составленнаго изъ повозокъ, связанныхъ между собою цѣпями и окружавшихъ со всѣхъ сторонъ войско. На эти повозки ставилось два ряда деревянныхъ щитовъ, изъ-за которыхъ дѣйствовали стрѣлами. Гуляй вооружался также и артиллеріей, какъ это видно изъ разсказа о взятіи, при упомянутой осадѣ Казани, нашего гуляя черемисами, захватившими въ немъ 70 пищалей затинныхъ.

Приблизясь къ городскому рву, на немъ срубали тынъ, устраивали присыпъ земляной или примётъ и затѣмъ уже штурмовали стѣны и башни. Вспомогательнымъ средствомъ атаки зачастую служили подкопы, выполненіемъ которыхъ обыкновенно руководили иностранные, преимущественно нѣмецкіе, мастера—*размыслы*.

Какъ приближеніе къ крѣпости, такъ и приступъ прикрывались усиленнымъ метаніемъ стрѣлъ изъ луковъ и *самострѣловъ*, получившихъ въ это время значительное распространеніе; метаніе камней также поддерживало штурмующія войска.

Такимъ именно образомъ дѣйствовалъ Дмитрій Донской при осадѣ Твери. Осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали примётъ около всего города. Эта осада продолжалась четыре недѣли, но городъ не былъ взятъ потому, что тверской князь поспѣшилъ заключить миръ съ Дмитріемъ. Самый приступъ описывается въ лѣтописяхъ слѣдующимъ образомъ: когда войска, присланныя на помощь польскому князю Кондрату, подошли къ городу Гостиному-Волынскому и стали около него, „то начали пристроиваться на взятіе города; князь Кондратъ ѣздилъ и говорилъ русскимъ: „Братья моя милая Русь, потяните за одно сердце!“ и ратники полѣзли подъ забрала, а другіе

полки стояли неподвижно, сторожа, чтобы поляки не подкрались внезапно. Когда ратники пролѣзли подъ забрало, то поляки стали пускать на нихъ камни, точно градъ сильный, но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденнымъ выникнуть изъ забралъ; потомъ начали колоться копьями; много было раненыхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мертвые падать изъ забралъ какъ снопы; такимъ образомъ взятъ былъ городъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ".

Со введеніемъ огнестрѣльнаго оружія прежде всего выиграла, и даже значительно, оборона городовъ, такъ какъ неуклюжія первоначальныя орудія не имѣли станковъ, а положенныя на деревянныя колоды могли найти примѣненіе только на крѣпостныхъ стѣнахъ. При сынѣ и преемникѣ Дмитрія Донскаго—Василіи I—Москва была уже вооружена пушками, оказавшими существенную помощь при отраженіи Эдигея въ 1408 году. Въ полевыхъ дѣйствіяхъ войскъ артиллерія могла принять участіе несравненно позже, т.-е. уже въ самомъ концѣ изучаемой эпохи—при Василіи III. Понятно, что и при осадахъ городовъ орудія могли быть употреблены также не ранѣе этого времени. Какъ кажется, впервые артиллерія приняла участіе въ осадѣ въ 1514 году—подъ Смоленскомъ и въ скоромъ уже

времени *большой нарядъ* (или осадная артиллерія) чрезвычайно быстро сталъ увеличиваться.

Полученіе возможности употреблять при осадахъ огнестрѣльное оружіе какъ тяжелое, такъ и ручное повліяло, разумѣется, и на способы атаки, и на получаемые результаты. Вліяніе это прежде всего выразилось въ томъ, что оказывались болѣе ненужными нѣкоторыя изъ прежнихъ осадныхъ работъ, и притомъ наиболѣе значительныя и замедлявшія дѣло. Устройство, напримѣръ, присыпа или примета становилось излишнимъ и съ удобствомъ замѣнялось разрушеніемъ городскихъ стѣнъ и башенъ, т.-е. устройствомъ пролома или бреши при помощи огнестрѣльныхъ орудій. Получалась возможность дѣйствовать по крѣпости съ болѣе значительныхъ разстояній, на которыхъ устраивались, вооруженныя большими пушками, осадныя батареи, называвшіяся *бойницами*. Осадныя батареи строились при помощи туровъ, насыпаемыхъ землею изъ рва, вырывавшагося сзади нихъ. Батареи послѣдовательно приближались къ городу до разстоянія *пищальнаго* (ружейнаго) выстрѣла, съ котораго производилась усиленная стрѣльба. Выполнить послѣднее, т.-е. открыть усиленный огонь, было однако не всегда возможно при тогдашнихъ орудіяхъ, устройство которыхъ было весьма плохо, и въ этомъ отношеніи мы значительно

уступали нашимъ сосѣдямъ—нѣмцамъ. Псковскія, напримѣръ, пушки дѣйствовали далеко не удачно: такъ, при осадѣ Нейгаузена пришлось ее вскорѣ снять, потому что псковичи, начавъ бить городъ пушками, пустили было въ него своею большою пушкой, но колода у ней вся изломалась и желѣзо около разорвалось.

Произведя въ стѣнахъ и башняхъ достаточныя разрушенія, сдѣлавъ въ нихъ проломы, войска, т.-е. пѣхота, прикрываемая конницею, посылались на приступъ. При осадахъ вообще, а также и на приступахъ рабочую силу составляли посошные, или посоха; такъ псковской лѣтописецъ говоритъ, что во второмъ Смоленскомъ походѣ на приступъ пошли пищальники псковскіе и другихъ городовъ, а *посоха* понесла приметъ.

Средствами обороны городовъ были: метаніе стрѣлъ, камней, а впослѣдствіи пушечный и ружейный огонь; для уничтоженія непріятельскихъ осадныхъ работъ служили вылазки и подземныя работы, получившія значительное развитіе со введеніемъ въ употребленіе пороха. Для отраженія приступа, помимо перечисленныхъ средствъ, осажденными примѣнялись: сбрасываніе со стѣнъ и башенъ бревенъ и большихъ камней, а также обливаніе штурмующихъ кипяткомъ или кипящею смолою. Оборонялись города обыкно-

венно довольно упорно и во многихъ случаяхъ успѣшно, такъ что можно привести цѣлый рядъ такихъ городовъ, которые за все это время никогда не были взяты, по крайней мѣрѣ, силою. Къ числу такихъ городовъ относятся: Москва, кремль которой былъ взятъ Тохтамышемъ только при помощи обмана, Смоленскъ, два раза взятый Витовтомъ, но также хитростью; Новгородъ не былъ взятъ ни разу.

Вообще въ разсматриваемый періодъ около городовъ въ значительной мѣрѣ сосредоточивается боевая дѣятельность какъ русскихъ, такъ и непріятельскихъ войскъ. Въ лѣтописяхъ упоминается болѣе восьмидесяти случаевъ взятія русскихъ городовъ, преимущественно татарами, при Батыевомъ, Тохтамышевомъ и Эдигеевомъ нашествіяхъ. Двадцать разъ русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, сами же русскіе двадцать два раза взяли непріятельскіе города и семь разъ осаждали неудачно. Въ междуусобныхъ войнахъ русскихъ князей встрѣчается до тридцати пяти извѣстій о взятіи городовъ, и пять разъ осады были неудачны.

Изъ сдѣланнаго краткаго очерка наиболѣе выдающихся военныхъ событій за время отъ перваго нашествія монголовъ до перваго Русскаго царя, Іоанна IV, явствуетъ, насколько эпоха эта изобилуетъ

фактами громаднаго интереса въ смыслѣ изученія состоянія на Руси современнаго военнаго искусства, а также и разнообразія въ послѣднемъ отношеніи. Эпоха эта по справедливости можетъ быть названа переходною для Руси въ военномъ отношеніи, также какъ и въ политическомъ. Какъ во всякомъ другомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь въ военномъ—переходное время это связано было съ временнымъ упадкомъ, разстройствомъ и неурядицею, неизбѣжными пока старое не было окончательно вытѣснено, а новое установлено. Затруднительность положенія была тѣмъ болѣе велика, что переживаемое тяжелое время переустройства всѣхъ вооруженныхъ силъ Руси сопровождалось обстоятельствами, требовавшими чрезвычайнаго напряженія этихъ силъ. Монгольское нашествіе одно уже вызывало необходимость, для его отраженія или позже уже сверженія ига, существованія прочно организованныхъ и значительныхъ военныхъ силъ. Этому условію не удовлетворяли дружины множества враждебныхъ другъ другу удѣльныхъ князей, съ которыми пришлось встрѣчать нашествіе, и еще менѣе можно было разсчитывать на завоеваніе вновь независимости ранѣе окончательнаго установленія новой военной системы Іоанна III. Приведенное мнѣніе справедливо, несмотря на то, что гораздо ранѣе Іоанна III, при Дмитріи еще Донскомъ, на

поляхъ Куликовской битвы, съ прежними, но уже такъ сказать полудружинными войсками, положено начало будущей независимости. Это дѣйствительно было только начало въ дѣлѣ достиженія той задачи, на выполненіе которой потребовалось еще болѣе столѣтія и которая была совершенно не подъ силу дружинамъ Дмитрія и его союзниковъ, что и доказывается тѣмъ страшнымъ погромомъ, который вынесла Русь на другой же годъ послѣ Куликовской побѣды.

Въ началѣ разсматриваемаго времени формы устройства нашихъ вооруженныхъ силъ ничѣмъ еще не отличаются отъ таковыхъ же въ до-Монгольскій періодъ. Онѣ носятъ характеръ исключительно дружинный, попрежнему чрезвычайно подвижны, также какъ и князья, которымъ онѣ служили, и нисколько не связаны со страной, изъ среды населенія которой дружинники выходили. Это положеніе дѣла вполнѣ отвѣчало существовавшимъ въ то время формамъ народной жизни племенъ, еще далеко не прочно осѣвшихъ, а также и государственному строю раздробленной Руси подъ управленіемъ безпрестанно передвигающихся князей. Съ измѣненіемъ однако обоихъ послѣднихъ условій немедленно проявляются и соотвѣтствующія измѣненія въ формахъ отправленія военной службы.

На сѣверо-востокѣ Руси ранѣе, чѣмъ въ другихъ ея частяхъ, замѣчается сравнительная устойчивость правленія, начинающаго удерживаться въ томъ же княжескомъ родѣ, уже при Андреѣ Боголюбскомъ, проявлявшемъ стремленіе къ единодержавію. Соотвѣтственно этому движенію, здѣсь же и дружина преобразуется уже въ княжескій дворъ, самое названіе котораго указываетъ на возникновеніе болѣе зависимаго отъ князя положенія для его дружины или военной силы. Вмѣстѣ съ возрастаніемъ связи княжескихъ родовъ съ извѣстными владѣніями естественно усиливается связь со страною и бояръ, и младшихъ членовъ дружины, являющихся уже все болѣе и болѣе крупными и многочисленными поземельными собственниками. Съ возникновеніемъ Московскаго княжества и быстрымъ возрастаніемъ его могущества усиливается и преобразованіе въ указанномъ смыслѣ и дружинъ или дворовъ, причемъ они именно во многихъ случаяхъ являлись важнѣйшимъ средствомъ усиленія Москвы, какъ напримѣръ въ дѣлѣ присоединенія къ Московскому княжеству Нижегородскаго удѣла.

Такимъ образомъ, параллельно усиленію правительственной власти, сначала въ нѣсколькихъ центрахъ, а затѣмъ вокругъ одной Москвы, происходитъ само собою соотвѣтствующее переустройство воору-

женныхъ силъ. Начавшись и въ началѣ развиваясь, такъ сказать, естественнымъ путемъ, это переустройство получаетъ уже при Іоаннѣ III опредѣленныя, узаконенныя, но все еще не законченныя формы помѣстной системы отправленія военной службы. Эта система, при всѣхъ ея недостаткахъ, была во-первыхъ вполнѣ отвѣчающею переживаемымъ Русью политическимъ обстоятельствамъ, а вовторыхъ она дала возможность упорядочить военное устройство и развить военныя силы.

Съ измѣненіемъ политическаго положенія Руси, обусловливающагося татарскимъ игомъ, а также и въ зависимости отъ послѣдовавшихъ перемѣнъ въ военной системѣ, измѣнился и характеръ войнъ. Въ началѣ разсматриваемаго періода повсемѣстно Русь ведетъ еще свои войны съ сохраненіемъ характера смѣлыхъ, быстрыхъ и рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій, по возможности перенося ихъ въ чужіе предѣлы. Такъ именно рѣшаютъ князья дѣйствовать и свое рѣшеніе приводятъ въ исполненіе для встрѣчи новаго, невѣдомаго еще имъ врага— монголовъ, при первомъ ихъ нашествіи. Но затѣмъ бѣдствія, постигшія Русь во время двукратнаго вторженія Батыевыхъ полчищъ и установленія татарскаго ига, сразу измѣнили положеніе дѣлъ и по отношенію къ военной дѣятельности. Прежній ха-

рактеръ она сохраняетъ на нашемъ сѣверо-западѣ, не испытавшемъ ужасовъ татарскаго нашествія. На всемъ же остальномъ пространствѣ, обезсиленная, разоренная и обезлюдѣвшая Русь не только не въ состояніи вести наступательныя войны, но съ трудомъ, и въ большинствѣ безуспѣшно, дѣйствуетъ оборонительно. Смѣлые набѣги прежняго времени, иногда далеко вглубь непріятельскихъ странъ, смѣняются на нашемъ востокѣ и юго-востокѣ нерѣшительными, боязливыми попытками защищаться, и не въ полѣ, въ открытомъ бою, а преимущественно за стѣнами своихъ городовъ. Въ такомъ положеніи оставались дѣла до Дмитрія Донскаго, со времени котораго Русь настолько уже крѣпнетъ и, обратно, Орда слабѣетъ и дробится, что наши дѣйствія становятся все смѣлѣе и при послѣднихъ великихъ князьяхъ снова представляются исключительно наступательными. Военныя предпріятія этого послѣдняго времени выполняются уже съ гораздо болѣе значительными силами, и большею частью увѣнчиваются успѣхомъ какъ на востокѣ и югѣ противъ различныхъ татарскихъ царствъ, такъ и на сѣверѣ и западѣ противъ шведовъ, ливонцевъ и литовцевъ. Военное могущество Руси получаетъ прежніе блескъ и значеніе, а ея предѣлы, но уже какъ единаго государства, начинаютъ быстро возрастать. Все это, а также и колоссальные раз-

мѣры, которые получаетъ военная дѣятельность Руси непосредственно вслѣдъ за татарскимъ игомъ, возбуждаетъ чрезвычайный интересъ, и притомъ прежде всего въ отношеніи вопроса о вліяніи, которое имѣли татары на наши военныя учрежденія.

Вопросъ этотъ тѣмъ болѣе интересенъ, что почему-то у насъ прочно утвердилось мнѣніе, будто бы нашъ военный бытъ получилъ за это время совершенно монгольскій характеръ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что подобное мнѣніе могло получить право гражданства въ нашихъ общихъ историческихъ сочиненіяхъ, преслѣдующихъ, разумѣется, свои задачи и затрогивающихъ военные вопросы только отчасти и въ сущности ничего не дающихъ въ доказательство пресловутаго татарскаго вліянія. Странно однако то, что и спеціально военно-историческій трудъ нашъ *) почти дословно повторяетъ имѣющееся по этому вопросу въ нашихъ наиболѣе крупныхъ историческихъ трудахъ и самъ, не входя въ самостоятельное изслѣдованіе дѣла, только поддерживаетъ и распространяетъ ошибочное мнѣніе о громадномъ будто бы вліяніи монголовъ на наше военное дѣло и искусство.

Никто не станетъ, разумѣется, вполнѣ отвергать

---

*) „Русская военная исторія“ князя Голицына.

вліяніе на Руси и въ военномъ отношеніи монголовъ и ихъ военнаго искусства, но это вліяніе въ сущности выражается только въ томъ, что мы и въ военномъ дѣлѣ сильно отстали отъ другихъ европейскихъ народовъ, но не потому, что многое переняли у татаръ, а только вслѣдствіе обособленія, въ которомъ находилась Русь во время татарскаго ига. Собственно же въ самомъ военномъ дѣлѣ вліяніе монголовъ было совершенно поверхностное и въ существеннѣйшихъ частяхъ нашего военнаго устройства оно едва-едва отразилось.

Справедливость означеннаго мнѣнія подтверждается вполнѣ, ежели только прослѣдить, хотя бы и вкратцѣ, насколько отразилось вліяніе монголовъ на слѣдующихъ основныхъ чертахъ военнаго дѣла на Руси, какъ во время ихъ владычества, такъ въ особенности вслѣдъ за нимъ: а) на порядкахъ образованія вооруженныхъ силъ и ихъ устройствѣ, б) на боевыхъ порядкахъ русскихъ войскъ и в) способахъ дѣйствій въ бою.

Не трудно съ перваго взгляда убѣдиться въ томъ, что въ порядкахъ образованія всѣхъ различныхъ категорій нашихъ вооруженныхъ силъ нѣтъ и слѣда монгольскаго вліянія. Нечего, разумѣется, и толковать объ отсутствіи всякой связи между нашими дружинами, а впослѣдствіи дворами и татарскими

ордами. Совершенно также нѣтъ и тѣни сходства между нашею помѣстною системою, въ которую окончательно вылились наши главныя, лучшія и значительнѣйшія военныя силы, и порядками татарскими, въ которыхъ отправленіе военной повинности никогда не ставилось въ какую бы то ни было зависимость отъ земельныхъ владѣній, такъ какъ и земли-то въ частномъ владѣніи у нихъ не было. Независимо отъ татарскаго вліянія, да къ тому же еще и за нѣсколько вѣковъ до возникновенія и появленія Монгольскаго государства, выработались у насъ на Руси порядки образованія и народнаго войска, *посохи* или ополченія. Наши *вои* искони вѣковъ сбирались, или *рати рубилисъ*,— какъ до монголовъ, такъ и при Василіи III—на приведенныхъ въ очеркѣ основаніяхъ, причемъ и здѣсь разсчитывалось отправленіе повинности отъ каждой *сохи*, т.-е. отъ земли же. При условіи же независимости отъ монголовъ, т.-е. самобытности нашей военно-помѣстной системы и болѣе древняго, чѣмъ само Монгольское царство, происхожденія порядковъ образованія другихъ частей нашихъ вооруженныхъ силъ, приходится совершенно отвергнуть мысль о монгольскомъ вліяніи, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи.

Говорятъ, будто бы монгольское вліяніе вырази-

лось въ томъ, что имѣвшая у насъ вначалѣ преобладающее значеніе пѣхота уступила свое мѣсто конницѣ, ставшей, подобно какъ у татаръ, главнымъ родомъ оружія. На это можно замѣтить, что гораздо ранѣе монгольскаго нашествія отношеніе у насъ конницы къ пѣхотѣ стало быстро измѣняться въ пользу конницы, и ежели послѣдней было менѣе чѣмъ пѣхоты, то причиною этому было не предпочтеніе, отдававшееся будто бы пѣхотѣ, а незначительность коневыхъ средствъ въ странѣ. Конница у насъ вырабатывалась и умножалась въ видахъ ея необходимости для борьбы не съ татарами, а еще съ печенѣгами и половцами—тоже конными, кочевыми народами. Въ первой книжкѣ приведены уже доказательства тому, что и до монголовъ наши княжескія дружины были конными, при наборахъ же городскихъ и сельскихъ ополченій съ нихъ требовалось выставлять столько конницы, сколько это позволяло имѣвшееся на-лицо количество лошадей, и только остальные, т.-е. бобыли, бѣдняки, шли въ пѣхоту. Это явствуетъ изъ приведенныхъ въ первой книжкѣ словъ бояръ Изяслава II-го Мстиславовича, которые, призывая народъ, говорятъ ему: „собирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ пусть идетъ въ лодьѣ“. Слѣдовательно, ежели на

отношеніи конницы къ пѣхотѣ и отразилось у насъ вліяніе монголовъ, то развѣ только тѣмъ, что ихъ кочевыя орды привели съ собой въ предѣлы Россіи массы лошадей и, сильно увеличивъ наши коневыя средства, облегчили только для насъ задачу формированія конницы.

Наконецъ, и въ третьемъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ—по организаціи войскъ, а именно въ ихъ раздѣленіи на отдѣльныя единицы или части, мы имѣли систему хотя и схожую съ татарскою, но также отъ нея независимую, потому что существовала она у насъ несравненно ранѣе, чѣмъ мы познакомились съ татарами. Такимъ образомъ десяточная система подраздѣленія войскъ у насъ была вовсе не монгольскою; рати наши составляли всегда десятки, сотни, тысячи и т. д., и мы видѣли званіе *тысяцкаго* еще во времена Ярослава 1-го.

Боевые порядки русскихъ войскъ, во всю разсматриваемую эпоху, также могутъ и должны быть признаны выработанными внѣ всякаго вліянія монголовъ. Сходство въ порядкахъ, принимаемыхъ для боя войсками и русскими и татарскими, дѣйствительно большое, но это нисколько не опровергаетъ самобытности нашихъ боевыхъ порядковъ—прежде всего потому, что они примѣнялись въ Россіи ранѣе появленія монголовъ. Въ этомъ отношеніи дра-

гоцѣннымъ свидѣтельствомъ является древнѣйшій памятникъ нашей литературы—„Слово о полку Игоревомъ“, написанное гораздо ранѣе монгольскаго нашествія и описывающее событія похода противъ половцевъ. Здѣсь боевой порядокъ русскихъ войскъ описывается именно такимъ, какимъ онъ остается и во время монгольскаго ига, и гораздо позже его. „Слово о полку Игоревомъ“ слѣдующимъ образомъ описываетъ построеніе русскими своего боеваго порядка: „И изрядиша полковъ 6: Игоревъ полкъ середе, а по праву Всеволожъ, а по лѣву Святославль, на передъ сынъ Володимеръ и другой полкъ Ярославль, а третій на передѣ же стрѣльцы, иже бяху отъ всѣхъ князей выведены“. Вся разница въ описанномъ боевомъ порядкѣ и таковыхъ же послѣдующихъ временъ заключается въ томъ только, что въ послѣднихъ тѣ же части носятъ нѣсколько болѣе точныя названія, т. е. называются полками: передовымъ, правой и лѣвой рукъ и, наконецъ, въ серединѣ, въ центрѣ—большой полкъ. Ошибается слѣдовательно князь Голицынъ, говоря *), что уже при монголахъ „замѣчаются первые слѣды раздѣленія ратей на полки: сторожевой или передовой, большой, правой и лѣвой рукъ“, а мы вправѣ ут-

*) „Русская военная исторія“. Томъ I, стр. 139.

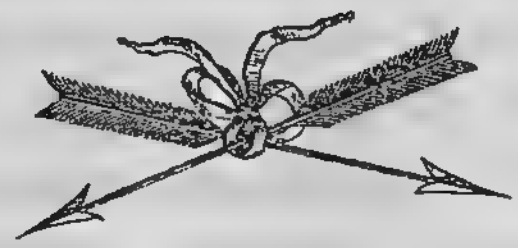
верждать, что и въ этомъ чрезвычайно важномъ отношеніи не замѣчается сколько-нибудь чувствительнаго вліянія монголовъ съ ихъ военнымъ искусствомъ. Въ этомъ смыслѣ представляется развѣ только—появившаяся въ послѣдніе годы разсматриваемой эпохи — дополнительная часть въ нашихъ походныхъ и боевыхъ порядкахъ, а именно *ертаулъ*.

Наконецъ, нельзя согласиться и съ тѣмъ, чтобы въ дѣйствіяхъ въ полѣ русскія войска подражали во многомъ монголамъ, по крайней мѣрѣ употребленіе всякаго рода военныхъ хитростей, притворныя отступленія и нападенія изъ скрытыхъ засадъ—не могутъ быть признаны доказательствами подражанія или заимствованія. Въ первой части настоящаго очерка, на страницѣ 12, приведены свидѣтельства иностранцевъ о населявшихъ Русь славянскихъ племенахъ, доказывающія, что всѣ эти хитрости въ широкихъ размѣрахъ всегда примѣнялись славянами. Незачѣмъ было, слѣдовательно, заимствовать отъ татаръ то, что̀ издавна было извѣстно и переходило изъ потомства въ потомство. Наконецъ, всякая хитрость въ борьбѣ за существованіе составляетъ настолько естественное и притомъ инстинктивное средство всякаго живаго существа, что даже обидно становится за русскаго человѣка, за которымъ даже это качество не при-

знается нашими же русскими учеными, заставляющими почему-то насъ все и всегда заимствовать у другихъ.

Всего изложеннаго, кажется, совершенно достаточно, дабы убѣдиться, что монгольское вліяніе на военный бытъ Руси было крайне незначительно, и ежели въ чемъ и проявлялось, то развѣ въ мелочахъ. Тѣмъ не менѣе, первая по крайней мѣрѣ половина времени монгольскаго ига надъ Русью представляетъ собою время наибольшаго упадка военной дѣятельности, зачастую притомъ для насъ безуспѣшной или даже несчастной. Къ концу однако разсматриваемаго періода положеніе Руси и въ военномъ отношеніи значительно улучшается и въ новую—царскую—эпоху своей исторіи Россія вступаетъ уже съ сравнительно упорядоченными Іоанномъ III и Василіемъ III боевыми силами, значительно усилившимися и въ численномъ отношеніи.

В. К.



УКАЗАТЕЛЬ

сочиненій, служившихъ источниками при составленіи очерка.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ—Сергѣя *Соловьева.*

Исторія Государства Россійскаго—*Карамзина.*

Исторія Россіи—*Иловайскаго.*

Русская военная исторія—князя *Голицына.*

Русскій историческій сборникъ издаваемый Обществомъ исторіи и древностей Россійскихъ—подъ редакціею *Погодина.*

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей—*Костомарова.*

Повѣствованіе о Россіи—*Арцыбашева.*

Историческое описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ—*Висковатова.*

Историческія монографіи—*Костомарова.*

Путешествіе къ татарамъ—*Плано-Карпина.*

О военномъ искусствѣ монголовъ—*Иванона.*

Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингисова—*Іакинфа.*

Первое нашествіе монголовъ на Россію—*Березина.*

Нашествіе Батыя—*Березина.*

Записки о Монголіи—*Васильева.*

Исторія монголовъ—*Іакинфа.*

Изслѣдованіе о первомъ нашествіи монголовъ—*Куника.*

Изъ исторіи военнаго искусства въ Россіи—*Масловскаго.*
Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ—*Назарова.*
Нѣчто о вліяніи монголовъ на Россію—*Рихтеръ.*
Монографія о ханахъ улуса Джучіева—*Френа.*
Исторія монголовъ Хандемора—переводъ *Григорьева.*
Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи Золотой орды—*Тизенгаузена.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка:*	*Напечатано:*	*Читай:*
10	8 снизу	Днѣпру	Днѣстру
28	11 „	разрабили	разграбили
36	5 „	паладенія	нападенія
76	13 сверху	оно	она

КАРТА №. 2.

Мурманское море
Балтійское или Варяжское море
Заволочье
Новгородскія волости
Русь
Ливонія
Литва
Литовское княжество
Галицкая Русь
Мордва
Болгарія
Золотая Орда
Кипчакъ
Татары
Черное море
Каспійское море
Грузія
Адербайджанъ
Мазандеранъ
Ховарезмъ
Оз. Онего
Оз. Нево
Оз. Бѣлое
Ладога
Бѣлозерскъ
Вологда
Новгородъ
Ст. Руса
Псковъ
Изборскъ
Гдовъ
Торопецъ
Торжокъ
Тверь
Ростовъ
Ярославль
Кострома
Суздаль
Владиміръ
Переяславль
Москва
Можайскъ
Серпуховъ
Коломна
Рязань
Муромъ
Нижній Новгородъ
Казань
Хлыновъ (Вятка)
Вел. Болгаръ
Вел. Луки
Полоцкъ
Усвятъ
Смоленскъ
Мстиславъ
Минскъ
Туровъ
Брянскъ
Козельскъ
Тула
Одоевъ
Елецъ
Курскъ
Черниговъ
Кіевъ
Холмъ
Галичъ
Кременецъ
Сарай
Астрахань
Дербентъ
Шемаха
Судакъ (Сурожъ)
Корсунь
Волга
Кама
Донъ
Границы Руси въ половинѣ XIV вѣка.
Границы Великаго Княжества Литовскаго.

Склады изданія:

Главный—**въ Москвѣ:** домъ Высочайше утвержденнаго Товарищества печатнаго дѣла и торговли И. Н. Кушнеревъ и К°, Пименовская ул.;

въ С.-Петербургѣ: у В. А. Березовскаго — Колокольная, собств. домъ № 14—

и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обѣихъ столицъ.

ЦѢНА 60 КОП.

Для **войскъ** и **военно-учебныхъ** заведеній

50 коп.

За пересылку книги прилагаются двѣ семикопѣечныя марки, а при выпискѣ болѣе 10 книгъ—пересылка за счетъ издателя.